

У И Л Ъ Я М М А Н Ч Е С Т Е Р

СТАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ КРУППОВ

Ц Е Н Т Р П О Л И Г Р А Ф

Уильям Манчестер

**Стальная империя Крупнов.
История легендарной
оружейной династии**

«Центрполиграф»

Манчестер У.

Стальная империя Круппов. История легендарной оружейной династии / У. Манчестер — «Центрполиграф»,

Книга о династии Круппов не может ограничиваться рамками семейных радостей и бед. Их судьбы тесно переплетены с судьбами родной страны. Круппы были основными поставщиками вооружения кайзеровской Германии, финансировали политическую кампанию Гитлера. После войны, пережив позор Нюрнберга, они стали лидерами уже в области атомной промышленности и самолетостроения. Автор, прослеживая мистическую связь династии промышленников с родной Германией, показывает, как ее представители, парадоксально сочетая идеализм и практичность, являли собой живой символ немецкой индустрии.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	20
Глава 2	33
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Уильям Манчестер

Стальная империя Круппов. История легендарной оружейной династии

*Детям из Буммансхофа,
Другого памятишка у них нет*

*О мать Германия! Так одиноко
Ты, побледнев, стоишь среди бесчестья и угроз —
Все потому, что сыновья тебе служили плохо.*
Бертольт Брехт

*Он повстречал дракона — и схватился с ним.
Облился вражьей кровью — и стал непобедим!*
Песнь о Нибелунгах

Пролог

Наковальня Рейха

В 1914 году в Сараеве был убит наследник престола Австрии Франц Фердинанд, и лишь небольшая часть той Европы, которую он знал, пережила его. Его жена, его титулы и даже его страна — все исчезло в красном безумии того времени. Убийцы перевернули мир, и только по этой причине мы помним их жертву. Говоря по правде, он был жесток и упрям — форменный чурбан. Тем не менее каждым похоронам свойственны трогательные личные детали, и одна из незначительных, но досадных проблем, которые породила внезапная смерть эрцгерцога, состояла в том, что неизвестно, как поступить с его охотничьим домиком в Альпах. Потому что на протяжении четырех сотен лет этот «домик» (на самом деле огромная вилла) был одним из жилищ эрцгерцогов Зальцбурга, которые регулярно перемещались между ним, своим собором эпохи Возрождения, своей теологической семинарией к востоку от Мюнхена и двумя архиепископскими дворцами на реке Зальцах. Однако в новой, просвещенной Европе духовная иерархия уступила место королевской власти. Надоедливое чтение молитв было вытеснено чистыми, резкими выстрелами из спортивных винтовок. Франц Фердинанд, при всех своих слабостях, был великолепным стрелком. В густых лесах, окружающих его охотничий домик, он побил все рекорды по отстрелу зверья. Его трофеями полнились залы.

Таким образом, сентиментальный житель Вены полагал, что новый владелец Блюмбаха должен кое-что понимать в оружии. Но замок, в котором насчитывалось восемьдесят комнат, был дорог. В конце концов дилемму блестяще разрешил Густав Крупп фон Болен унд Хальбах из Эссена, Германия. Густав Крупп был хорошо знаком с оружием: ведь он был ведущим производителем пушек на континенте. Круппы подыскивали новый загородный дом подальше от своих оружейных кузниц в прокопченной, душной Рурской долине. Теперь Густав и его семья приобрели это поместье с великолепным видом на Австрийские Альпы, где под одной из вершин спит в пещере легендарный император XII века Фридрих Барбаросса, готовый прискакать на помощь Германии в любую минуту, как только парящие над головой черные вороны известят его, что священная земля Первого рейха находится в опасности.

В долгом и непрерывном течении истории продажа Блюмбаха представляется едва ли заслуживающей упоминания. Тем не менее она определенным образом являет собой притчу

эры. С рождением современной Европы таинственная и могущественная династия Круппов процветала на войне и слухах о войне. В ее стальных кузницах ковались броня, штыки, полевые орудия, снаряды, броня боевых кораблей и флотилий подводных лодок, что всегда приносило Круппам огромные прибыли. После смерти Франца Фердинанда центральные державы бросились за оружием, а династия получила громадный рынок и заодно возможность для членов семейства вступить в эрцгерцогские леса. И вот Круппы здесь – с напряженными пальцами на курках крадутся за добычей. Фактически это символ национального духа Отечества.

Все в Круппах было примечательно: их образ жизни (замкнутый), их внешность (лисы), их империя (международная), их клиенты (главы государств), но ничто не было так феноменально, как привычка соответствовать настроению членов Тевтонского ордена в данный момент. В Средние века, когда Германия была слаба, Круппы появились в окруженном стенами городе Эссене и стали скромно налаживать торговлю. В эру Наполеона, когда страна чувствовала себя рабыней, глава династии надел французскую кокарду и стал франкофилом. Потом, в последующие полвека, Германия поднималась. Барабаны звали к победе в 1870, 1914 и 1939 годах, и каждый раз именно Крупп затачивал прусские клинки на наковальнях своего семейства. Нигде – ни в американской промышленности, ни в индустрии какой-либо другой страны – не найти ничего равного тем узам, которые привязывали немецкие правительства к семейству Круппов. На протяжении века они были неразделимыми партнерами и частенько действовали руками друг друга. И никогда эта параллель не была более поразительной, чем весной 1945 года. Тут она уже становится смертельной.

Покупая Блюнбах, Густав и не подозревал, что, возможно, покупает могилу. Тем не менее, тридцать один год спустя именно в могилу превратился охотничий домик, потому что, когда терпел крах Третий рейх, казалось, что страна и династия Круппов находятся на грани, за которой остается только вместе испустить дух. На протяжении того страшного для себя периода Густав так же лежал пластом, как и нация, – беспомощный и парализованный, в верхней спальне, окруженный несметным количеством оленьих голов, шкур и безделушек из звериных костей. Семьи не было рядом. Двенадцать лет назад Густав пришел к колоссальному открытию, что имя нового Барбароссы – Адольф Гитлер, и четверо из его сыновей уехали, чтобы стать «твердыми, как сталь Круппа», – именно с такими словами обращался ко всем немецким юношам фюрер в «Майн кампф». Теперь из всех детей – пяти сыновей и двух дочерей – здесь находился только тридцатидвухлетний Бертольд, деликатный человек, ученый, получивший образование в Оксфорде. Вермахт отпустил его в Мюнхен для исследовательских работ в области пенициллина.

Третьим человеком в комнате была самая знаменитая женщина рейха. Ее звали Берта Крупп, и она была женой Густава. Почти полвека она слыла богатейшей личностью в Германии. Родившаяся на пугающе-мрачной вилле «Хюгель», в одной из трехсот комнат замка Круппа в Эссене, Берта воспитывалась как тевтонская королева – и выросла преданной, величественной, прямой, словно свеча. В ее юности кайзер Вильгельм II был почти что членом семьи. У него были апартаменты в «Хюгеле», он председательствовал на ее свадьбе, был крестным отцом ее старшего сына. Впоследствии она стала международной фигурой. Миру она была известна как Большая Берта, потому что в кайзеровской войне гигантский миномет Круппа был окрещен ее именем (буквально «Толстая Берта»), а во время Второй мировой войны ее имя было дано заводу Круппа по выпуску гаубиц в Силезии. Это предприятие – «Бертаверк» – построено и укомплектовано рабской еврейской рабочей силой из лагеря в Аушвице (так немцы называли Освенцим), на территории которого находился завод Круппа по производству автоматического оружия и откуда, согласно показаниям на Нюрнбергском процессе одного из собственных наемных работников Густава, «были видны три больших дымовых трубы крематория... Узники рассказывали об отравлении газом и сожжении, которые имели место в лагере».

Сегодня фактически все немцы и большинство людей за рубежом считают, что у немецких промышленников не было выбора, что нацисты заставляли их использовать рабов любого возраста и пола, что сами промышленники были бы истреблены, если бы вели себя по-другому. Это неверно. Забытые горы нюрнбергских документов показывают это совершенно ясно. Они показывают, что у промышленников рейха не только был выбор, но большинство воспользовались им. Концерн Флика не принимал женщин, потому что работа для них была слишком тяжела. Группа Рехлинга не проявляла никакого интереса к иностранной рабочей силе. Сам Гитлер в то время считал, что не подобает столь важному концерну, как крупповский, нанимать иностранную рабочую силу. Гиммлер был против того, чтобы этот ценный резерв рабочей силы, которым желал управлять он сам, использовать в военной промышленности.

Крупп считал по-другому. Согласно отчетам военного времени, руководство концерна полагало, что «автоматическое оружие является оружием будущего», и использовало большой престиж имени Круппа, чтобы мобилизовать узников Аушвица – мужчин, женщин и детей – на тяжелую работу в цехах. Подав пример энергии и предприимчивости, эссенский концерн отказался подчиниться, когда армия, недовольная близостью лагеря к нестабильному Восточному фронту, наложила вето на производство там автоматического оружия. Собственные отчеты фирмы показывают: сам Крупп предложил, чтобы фабрика, строительство которой в Аушвице уже было завершено, использовалась для производства частей самолетов и запалов снарядов, поскольку к тому времени завод по выпуску запалов в Эссене разбомбили. Важный момент, влияющий на решение, – опять же наличие рабочей силы в концлагере. По этой самой причине Крупп был против использования труда немецких рабочих. Когда армия захотела передать контракт на производство запалов другой фирме, утверждая, что Крупп не в состоянии выполнить заказы, Крупп резко возражал, сделав особый упор на тесной связи фирмы с лагерем в Аушвице.

Для постороннего человека последствия этого вполне ясны; их отражает и очень плохая репутация Круппа за рубежом. В самой Германии образ Круппа совершенно другой. Там по-прежнему дорога память о Берте, умершей в 1957 году, кстати, Берта всегда горько переживала отношение к семейству в *das Ausland* – это неодобрительное немецкое слово объединяет все нации за пределами рейха в одно собирательное существительное. Сама по себе военная деятельность фирмы не интересовала ее: это для мужчин. Как женщина, она была поглощена социальным обеспечением 200 тысяч немцев, которые тяжело трудились на концерн Круппа. Потому что, сколько она или кто-либо еще мог помнить, крупповцы всегда считались подопечными семейства. К этому делу подходили с воображением: в XIX веке великое социальное законодательство Бисмарка вдохновлялось программами Круппа.

Теперь, в 1945 году, казалось, что гегемония подходит к концу. За четыре века своего существования династия познала безумие, шокирующий скандал на сексуальной почве, унижение военной оккупации и даже банкротство, но не было ничего, что могло бы сравниться с окрашенным кровью смогом. На Германию опускалась вагнеровская ночь, «сумерки богов». С самых времен Тридцатилетней войны ничего подобного не было, но тогда Крупп по крайней мере извлек прибыли. Как будто сбывается суровое предсказание Генриха Гейне: цивилизация стоит перед лицом уничтожения в битве во имя битвы. Во времена молодости Берты такой катастрофы нельзя было себе представить, хотя ее мать, Маргарет фон Энде Крупп, намекала на это. Барону Тило фон Вильмовски, который женился на сестре Берты Барбаре, она однажды сказала: «Вы знаете, меня часто угнетает, что я дожила до того, чтобы увидеть такой избыток даров фортуны и столь много почестей со стороны кайзера... это почти чересчур много... Как во сне, я часто боюсь, что в один день все это может рухнуть».

Однако маловероятно, что даже Маргарет могла предвидеть, насколько полным предстояло быть этому краху. Из столицы Геббельс не переставал вещать: «Берлин останется немец-

ким! Вена опять будет немецкой!» – но с каждым часом становилось все яснее, что Австрия видит последнюю каску, последний сапог вермахта. Шесть месяцев прошло с тех пор, как 28 сентября генерал Йодль нацарапал в своем дневнике: «Черный день». Теперь, в апреле, самом жестоком месяце, все дни были черными, и это семейство оказалось в числе тех, кому нанесен самый сильный удар. Эссен превратился в разбитую, сожженную бомбами пустыню. Сестра Берты, разделявшая ее презрение к Гитлеру как к выскочке, была арестована после покушения на жизнь фюрера 20 июля 1944 года. Титулованный зять Берты по той же причине был сослан в концлагерь в Заксенхаузене: муж дочери мертвым лежал в российских снегах; племянник был на дне Атлантики – по злой иронии судьбы он утонул, когда английский корабль, на котором его как военнопленного перевозили в Канаду, был обстрелян торпедами с построенной Круппом немецкой подводной лодки. Хуже того, трое из собственных сыновей Берты ушли на войну в качестве офицеров рейха и исчезли в дыму битвы. Смелый, атлетически сложенный Клаус погиб в люфтваффе в 1940 году. Его брат Харальд – долговязый, самоуглубленный, «весь в себе» – взят в плен в Бухаресте советскими войсками. И о чем не знал еще никто из Круппов, малыш Экберт только что убит в боях в Италии. Теперь, находясь в Блюнбахе с Густавом, Берта дошла до роли сиделки, подкладываяющей ему судно. Легендарная «гибель богов» выглядела в жизни не просто хуже; она была в крайней степени вульгарной.

«О, мой бог! – брюзжал на кровати седой старик. – Берта! Бертольд!» Они быстро к нему подбегали. Вдалеке хлопала дверь, приводя его в ярость. «Грохот! О боже! Проклятие, идиотизм!» В сгущающихся сумерках этот старик, который дал свое собственное имя «Большой Густав» мощному осадному оружию Севастополя, приходил в бешенство от малейшего шума.

Это тоже насмешка судьбы, и, наверное, тоже справедливая. В самом деле, можно утверждать, что сам паралич стал закономерной кульминацией карьеры Густава. Всю свою жизнь он представлял собой пародию на прусскую твердость. Зимой поддерживал в офисе температуру 55 градусов, а в своем кабинете в «Хюгеле» 64 градуса (это по Фаренгейту; значит, около 13 и 18 по Цельсию), а Берта трудилась над своими социальными проблемами на другом конце письменного стола, закутавшись в меха; в комнатах прохладно и по сей день. Печально известны обеды в «Хюгеле». Густав считал, что есть надо быстро. Несколько посетителей припоминают, что, когда они захотели начать за столом дружескую беседу, их тарелки тут же убрали. Один сказал: «Приходилось жевать с такой скоростью, что начинали болеть зубы». Густав, который сам ел с примечательными ловкостью и быстротой, отвергал разговоры за столом как неэффективные.

Эффективность была его культом. Одно из самых странных его любимых занятий состояло в чтении расписаний поездов в поисках типографских ошибок. Когда он их находил, то хватался за телефон и начинал обвинять железную дорогу. Каждое утро, уезжая в офис, он ожидал, что его шофер оставит двигатель включенным; он не хотел терять все эти секунды, пока ключ будет повернут в зажигании. А гости в «Хюгеле» знали, что хозяин ложится спать ровно в десять вечера; без пятнадцати слуга шептал им, что пора уходить. Однажды Густав нарушил это правило. Он согласился присутствовать на гражданском торжественном мероприятии до полуночи. Эрнст фон Рауссендорф, один из администраторов Круппа, стоял в тот вечер за стойкой бара со старшей дочерью Густава Ирмагд, когда она тихо сказала: «Взгляните на часы». Он посмотрел на часы, которые, как у всякого крупповца, естественно, шли точно, и сказал ей, что до двенадцати часов остается всего момент. «Сейчас отец будет уходить», – сказала Ирмагд. Когда секундная стрелка подошла к часовой отметке, Рауссендорф поднял глаза, и конечно же его шеф вставал с кресла.

Более значимой для мира за пределами Эссена была абсолютная лояльность Густава по отношению к лидеру своей страны. При этом особой роли не играло, кто именно был лидером. После изгнания кайзера в 1918 году он продолжал оставаться преданным Вильгельму и каждый год в день его рождения писал поздравления, чтобы подтвердить свою лояльность. Но в

то же время скорее вышел бы из комнаты, чем слышать неуважительные высказывания о президенте Веймарской республики. С возвышением Гитлера он стал тем, что коллега-промышленник назвал «супернацистом». Он был вполне готов принять конечные последствия своей новой веры. Когда самолет Клауса разбился в горах Эйфеля, один из друзей выразил соболезнование. Отец холодно ответил: «Мой сын имел честь умереть за фюрера».

Это был Густав, каким его знала союзническая разведка, – робот, фанатичный партийный лидер, гордый обладатель золотого значка партии. Даже тогда, когда он стонал под стеганым одеялом в Блюнбахе, агенты разыскивали его по всей Европе, потому что наряду с Герингом и Риббентропом он находился в числе первых в списке разыскиваемых как военные преступники. Густаву это было знакомо. Вместе с Вильгельмом он был назван военным преступником после Первой мировой войны, а когда в 1923 году Рур оккупировали французы, его отправили в тюрьму. На этот раз, однако, союзники были полны решимости добиться, чтобы по результатам Нюрнбергского процесса он закончил свою жизнь на виселице. Его имя стало настолько одиозным, что Харальд, находясь в русском лагере для военнопленных, счел благоразумным взять вымышленное имя. У каждой союзнической державы имелось досье на Густава, и фактически все, что находилось в их руках, соответствовало действительности.

Но в то же время было несколько поразительных пробелов. Ни один человек на самом деле не является роботом. Сами злодеяния Густава вызывают подозрения. Подобно кайзеру, чей напыщенный вид маскировал горечь испарившейся власти, Густав пытался быть кем-то другим, кем он не был на самом деле. За пределами «Хюгеля» он обманывал почти всех; друзья его сыновей называли его буйволом, что он, без сомнения, воспринимал с удовольствием. Но никто не выглядел менее похожим на буйвола. В семье его знали по нелепому детскому прозвищу Таффи. Таффи был худощав, изящен и на голову ниже своей жены; он проходил дипломатическую подготовку и сохранил элегантные манеры дипломата. (Иногда эта подготовка даже проявлялась за обеденным столом в «Хюгеле». Однажды приезжий русский специалист, которому никогда не приходилось видеть чашку для ополаскивания пальцев, выпил из нее. Густав задумчиво наблюдал за этим, потом поднял свою чашку и осушил ее.)

Если это указывает на его фальшь, то да, так оно и есть. На протяжении сорока лет он играл какую-нибудь роль: позировал в качестве владельца фирмы, где у него не было ни одной акции; упорно разыгрывал из себя Круппа, хотя вошел в семью только в возрасте тридцати шести лет.

Настоящим Круппом была Берта. Она унаследовала огромную индустриальную империю своего отца в шестнадцать лет. В ее отечестве было немыслимо, чтобы женщина обладала такой властью, поэтому она вышла замуж за Густава фон Болен унд Хальбаха. Есть некоторые основания полагать, что сватом был сам кайзер; оружейные кузницы молодой Берты были бесценным достоянием Германии, и каждый сколь-нибудь значимый немецкий военный появился на свадьбе в надежде быть посаженным отцом невесты. После торжественных обетов Вильгельм своим гнусавым голосом объявил, что отныне фамилия Густава будет «Крупп фон Болен унд Хальбах». В повседневном употреблении это было быстро сокращено до Густава Круппа. Но сам император назвал жениха «мой дорогой Болен», и никакой императорский указ не мог влить в жилы Густава хотя бы каплю крови Круппа. Оставшиеся в живых сыновья называли его «супругом королевы».

Это вводит в заблуждение. Действительно, чем глубже погружаешься в семейную жизнь, тем мутнее становится вода. Но в 1945 году победившие державы не были склонны к тонкостям. Целый корпус видных юристов во главе с председателем Верховного суда Соединенных Штатов Робертом Джексонсом уже сортировал досье Круппа. Американские войска достигли Блюнбаха. Густава под охраной перевезли в ближайшую гостиницу на стоянке автобусов, где за ним продолжала ухаживать Берта, и иногда водители помогали ей управиться с запачканным

бельем, а в других случаях она делала это одна, потому что Бертольд уехал по неотложному семейному делу.

Юристы продолжали изучать досье. Им понадобилось время, чтобы сделать открытие: Крупп в гостинице вовсе не тот Крупп.

Они были поглощены Густавом. Он был демоном, считали они, потому что так долго возглавлял фирму. Да, действительно, супруг королевы занимал весьма высокие позиции, когда Гитлер напал на Польшу. С тех пор, однако, «ночь и туман» окутали рейх, и союзники не знали, что в Эссене произошла смена командования. К моменту гибели Клауса в 1940 году старческая немощь Густава уже зашла далеко. На протяжении ряда лет – и когда чудовищное орудие Круппа на изогнутых рельсах бомбардировало Чэтхэм с другой стороны Ла-Манша, ведя стрельбу с расстояния 134 миль и разбрасывая настолько мощные снаряды, что по сей день англичане полагают, что их с большой высоты бомбили самолеты люфтваффе, и в годы Аушвица и рабства, когда узники 138 концлагерей тяжело трудились на Круппа, а Роберт Ротшильд был отравлен газом, потому что не захотел переписать на Круппа свою французскую фирму, – все это время главой семейства был – и оставался им вплоть до своей странной смерти в 1967 году – старший сын Берты и Густава.

Имя его – Альфрид Феликс Альвин Крупп фон Болен унд Хальбах.

Здесь мы должны сделать быстрый обзор имен Круппов. Свадебный указ кайзера 1906 года означал, что в будущих поколениях только старшие лица мужского пола будут носить имя Крупп фон Болен унд Хальбах. Клаус, Бертольд, Харальд, Экберт и их сестры носили имя отца. Так же был окрещен их старший брат. Он даже остался Альфридом фон Боленом после 31 марта 1942 года, когда стал управляющим директором фирмы. Как таковой он, согласно его собственным документам, «назначал еврейских узников из концентрационных лагерей во многие разные места, включая завод «Фридриха Круппа-Берта» в Маркшtedте недалеко от Бреслау, концлагерь в Аушвице, концлагерь в Вюстегирсдорфе, Риспоте, недалеко от Бремена, Гейсенхайме, Эльмаге и эссенский лагерь». В этом последнем, по словам одного из работников Альфрида на процессе в Нюрнберге, преобладали фантастически тяжелые условия даже после того, как стало ясно, что рейх проиграл войну. Крупп считал своим долгом заставлять 520 еврейских девушек, в том числе почти детей, работать в самых диких условиях в сердце концерна, в Эссене.

Слова военного времени самого Альфрида показывают, что он пользовался своими особыми отношениями с Берлином сначала для того, чтобы заполучить евреев, а потом, чтобы добыть контракты, которые могла выполнять только фирма, располагающая неограниченным источником рабочей силы. В письме, датированном 7 сентября 1943 года, он писал некоему подполковнику Веделю: «Что касается сотрудничества со стороны нашего технического офиса в Бреслау, могу только сказать, что между этим офисом и Аушвицем самое тесное взаимопонимание уже существует и гарантировано в будущем».

В самом деле, не было такой работы, которую он бы не мог выполнить. Его запас человеческих ресурсов был почти бездонным. Узники Аушвица – лишь часть. Его документы показывают, что помимо немецких рабочих он собрал 69 898 иностранных гражданских рабочих, 23 076 военнопленных и 4978 заключенных концентрационных лагерей, последнюю категорию составляли почти целиком евреи. При наличии 97 952 рабов он был властелином Рура. Ему только не хватало короны. Он хотел ее и, по мнению национал-социалистов, имел на нее право. Состояние Густава было откровенно безнадежным. Значит, пришла пора передавать драгоценное слово «Крупп». В традиции семьи было главенство одного человека, и уже в 1941 году Густав и Берта согласились, что индустриальная монархия должна перейти к Альфриду – при условии, что он разведется со своей неподходящей молодой женой, что он быстро и сделал.

Однако передача всего наследства одному ребенку была незаконной. Требовались чрезвычайные меры, и 10 августа 1942 года Альфрид, высокий, с орлиным профилем мужчина средних лет, всем обликом очень похожий на свою мать, предстал в «Волчьем логове» – штабе фюрера в Восточной Пруссии, чтобы подробно обсудить эту проблему. Как одной из важных партийных персон, ему был гарантирован теплый прием. После продолжительной переписки с Мартином Борманом, заместителем Гитлера, и Гансом Ламмерсом, нацистским конституционным оракулом, все было решено. Фюрер провозгласил: «Фирма «Крупп», семейное предприятие на протяжении 132 лет, заслуживает высшего признания за ни с чем не сравнимую деятельность по усилению военной мощи Германии. На этом основании мое пожелание состоит в том, чтобы предприятие было сохранено в качестве семейной собственности».

После подписания им этот декрет стал уникальным законом «Lex Крупп». Теперь Альфрид был единственным наследником матери.

В то же самое время Гитлер перекрестил его Круппом, и, когда 11 апреля 1945 года 9-я армия США захватила Эссен, они застали Альфрида довольно прочно привязанным к мачте и продолжающим свое дело, и он по-прежнему оставался, как это было с 1931 года, финансирующим членом СС – во имя фюрера и рейха.

Таким образом, именно Альфрид сел на скамью подсудимых в Нюрнберге, представ перед верховными судами трех штатов США по обвинениям в планировании агрессивной войны, разграблении собственности в оккупированных странах и, самое главное, в преступлениях против человечества – в использовании рабского труда, что составило сердцевину дела. Он был оправдан по обвинениям в агрессии. Это, постановил трибунал, происходило в эру Густава. Однако по другим пунктам он был признан виновным и приговорен к двенадцати годам тюрьмы с конфискацией всего имущества.

Свидетельства против него были настолько шокирующими, что все союзники, восточные и западные, решили очистить Европу от имени Круппа. Кошмар становился все более и более мрачным, пока не стал чернее дна самого глубокого крупповского рудника. Ауары династии по определенной системе разрезались на куски: те, кто занимался демонтажом его собственности, длинными палками мела чертили линии на полу фабрики, деля ее саму и машинное оборудование между странами, которые больше всего пострадали от нацистской оккупации, а в крепости Ландсберг, где за два десятилетия до этого Гитлер написал «Майн кампф», находился Альфрид в тюремном одеянии. Для семьи его заключение было самым тяжелым ударом. Воспитывавшийся для того, чтобы стать князем промышленников, он, осужденный и униженный, теперь сидел в камере. Круппы всегда слыли гордыми до неистовства. Бремя позора было почти невыносимо. И тем не менее, очевидно, его приходилось нести.

* * *

Никто тогда не считал возможным, что всего через пять лет он опять станет контролировать свое состояние или что через двадцать лет после того, как он стал самым знаменитым протеже Адольфа Гитлера в промышленности, он превратится в самого богатого человека в Европе, самого могущественного промышленника в Общем рынке. Даже на него самого произвела впечатление быстрота, с которой произошло его восстановление, – он однажды подсчитал, что ему потребуется пятьдесят лет для разгребания завалов в одном только Эссене. Но вместе с тем он никогда не сомневался, что спасение придет и он будет реабилитирован. После приговора в Нюрнберге его сокамерник Фридрих фон Бюлов, который руководил крупповской программой рабского труда, хотел разработать план побега. По словам Бюлова, Альфрид остановил его, спокойно сказав: «Время все поставит на места».

На поверхности это выглядело абсурдным оптимизмом. Верховный суд США отклонил апелляцию его адвокатов. 21 августа 1948 года, через три недели после вынесения приговора, Альфрид написал письмо военному губернатору американской зоны Западной Германии генералу Клею и попросил его вмешаться. Ответа не было. Потом генерал поддержал выводы наблюдательного совета и подтвердил нюрнбергский приговор, что явилось актом, который, видимо, исчерпывал юридические средства защиты заключенного.

Однако вера Альфрида оправдывалась поразительными параллелями между сагой Круппов и немецкой историей. «После того как уехал кайзер, – сказал мне однажды слуга с виллы «Хюгель», – эта семья стала первой в Германии». В некоторых отношениях у Круппов было даже больше оснований претендовать на превосходство, чем у королевского дома Гогенцоллернов. Когда закончились 1940-е годы, нация стала подниматься в гору. Началось экономическое чудо выздоровления страны. Началась и «холодная война», и дипломаты стран НАТО захотели, чтобы Германия встала на их сторону.

Преданность порабощенного народа Круппам едва ли могла остаться незамеченной оккупационными войсками. В начале 1960-х годов редактор одной гамбургской газеты сказал автору этих строк: «Если бы я перевел нюрнбергские показания и документы с осуждением герра Круппа обратно на немецкий язык и опубликовал их в этой стране, я бы потерял работу. Здесь всегда есть сознание того, что другие компании делают прибыли, а Крупп делает что-то для Германии». Такие чувства были даже еще сильнее во время тюремного заключения Альфрида. Когда Берта в приемные часы пришла навестить сына, немцы отнеслись к ней как к члену королевской семьи, а однажды какая-то молодая девушка подбежала к ней и поцеловала руку. Главное же состоит в том, что грандиозному альянсу, который формировался против Советского Союза, была необходима мощь Рура. Это означало – Альфрида. «Рур – это Эссен, а Эссен – это Крупп, – говорят немцы. И далее: – Когда процветает Германия, процветает Крупп». В теории существовали два способа справиться с ним. Первый – конфискация. Но против этого было даже английское лейбористское правительство. Второй способ – насильственная эмиграция. Кто-то в правительстве США даже внес предложение, чтобы «ни одного немца не оставлять в Руре». Но этот план был невыполним и нежелателен. Нет никаких указаний и на то, что всерьез рассматривалось какое-либо другое решение, во всяком случае, пока не началась корейская война. Через семь месяцев после этого верховный комиссар США Джон Макклой пошел на исторический акт и устранил проблему, восстановив авуары Альфрида и помиловав его.

В результате заключенный, не имевший ни гроша в кармане, вернулся в свой прежний высокий статус. Ключ к величайшему богатству Европы опять был в руках Круппа.

* * *

По всей Центральной Европе огромные угольные месторождения лежат подобно сверкающему черному поясу, как бы дожидаясь момента, чтобы вспыхнуть и показать всем свое могущество. Эти бесценные залежи, без которых была бы невозможна индустриальная революция, начинаются в Уэльсе и кончаются в Польше. Они, однако, не одинаковы. Пласты во Франции и Бельгии очень сильно различаются по объему и качеству, а между Саксонией и польской Силезией, где жила заканчивается, пролегает обширное пространство бесплодной земли. По всем стандартам, самый ценный бриллиант в этой диадеме – тот уголок Германии, где в высоких холмах берет свое начало Рейн, поворачивающий затем на запад в направлении голландских равнин. Здесь в эту великую реку впадает неторопливый и загрязненный приток – химики подсчитали, что его воды восемь раз проходят через человеческое тело, – который начинается сотней миль восточнее. Этот приток называется Рур. Как водный путь, он сейчас не представляет большой ценности. Он настолько малозначителен, что давным-давно утратил

право иметь свое собственное имя. Под Руром мы на самом деле имеем в виду Рурский район – окружающую местность, о которой рассказ совсем другой. В этом бассейне немцы добывают столько же угля, сколько весь остальной континент, вместе взятый, и выплавляют более качественную сталь. Такая взаимосвязь не случайна, поскольку именно здесь основной источник кокса – химически чистого угля, получаемого путем тепловой обработки сырья с целью удаления газов, – и именно пористый, хрупкий кокс незаменим для переработки железа в сталь.

В Руре господствуют менее дюжины «баронов дымовых труб». Это звание соответствует действительности. В XIX веке их семьи вытеснили феодальную аристократию, которая приходила в упадок. Промышленники во главе с Круппами играли на немецких привычках к повиновению, чтобы сокрушить борющиеся профсоюзы, и их рабочие стали покорными и инертными. Даже сегодня типичный рурский рабочий стремится прожить жизнь вблизи от церкви, в которой он был крещен. Один из работавших под землей менеджеров крупповской шахты был среди первых пилотов реактивных самолетов люфтваффе во время Второй мировой войны. Впоследствии ему предложили карьеру в коммерческой авиации. Зарплата была бы выше, жизнь чище. Он отказался. За шнапсом я спросил его, почему он так поступил. Он ответил: «Мой отец был подземным менеджером этой шахты». Неизменная лояльность таких людей вызывает в памяти образы феодального общества, так же как и обычаи их работодателей. «Бароны дымовых труб» действуют как бароны. Мужчины строят для себя замки, а женщины ведут себя как владелицы поместий, навещая материально зависимых больных и делая взносы в благотворительные организации. Берта Крупп была широко известна своей деятельностью. Когда с одним из крупповцев случился смертельный сердечный приступ, она надела шляпу и поехала навестить его вдову.

Несмотря на свою известность, Рур представляет собой крохотное феодальное поместье, просто рубец на карте континента. Его гидроэлектрические источники находятся в отдалении – в Ахене, Шварцвальде и в Швейцарии, и в то же время он занимает менее одного процента отрезанной площади Западной Германии. С учетом всех кузниц и шахт он по размерам не больше города Нью-Йорка. Его можно за три часа пересечь на автомобиле по автобану Дортмунд – Дюссельдорф или проехать из конца в конец на знаменитых трамваях. Внутренний Рур – пятнадцать городов, которые вливаются один в другой, – занимает всего две сотни миль. Как продемонстрировали английские королевские ВВС, это делает его уязвимым перед лицом решительного наступления. Но концентрация имеет и другую сторону. Из-за того, что его подпочвенные геологические ресурсы интенсивно эксплуатируются, Рур, как признают специалисты, превратился в «индустриальную структуру, которая по своей компактности и мощности не имеет себе равных в мире». Немецкая изобретательность сделала его самой внушительной экономической силой континента, политические последствия чего почувствовали на себе пять поколений европейцев и три – американцев. Осознавая свою силу, «бароны дымовых труб» выбили из Берлина жизненно важные концессии во времена Второго (кайзеры) и Третьего (Гитлер) рейхов, и именно здесь трижды в прошлом веке ковался немецкий меч. «Германская империя, – писал авторитетный английский экономист Джон Мейнард Кейнс, – была в полном смысле слова создана скорее на угле и стали, чем на крови и стали».

Кровь и сталь – это оказалось более памятной фразой, потому что она выразительнее. Барабанная дробь и блеск медалей обладают большей романтической привлекательностью, нежели логарифмические линейки и смог, вдобавок их больше предпочитают историки. Школьникам внушают, что Спарта одерживала в битвах победы потому, что выводила на поля сражений превосходных воинов. Этот урок не учитывает результатов последних исследований: оказывается, враги спартанцев были вооружены бронзой и мягкой сталью, а сами они имели отличную сталь, что и давало им решающее преимущество. Профессиональные солдаты более восприимчивы к таким различиям. В те дни, когда Рур изрыгал ошеломляющее количество танков, пушек, снарядов, самолетов и подводных лодок, германский Генеральный штаб был

полностью удовлетворен своим арсеналом. В ходе обеих мировых войн он составлял сердцевину их стратегии. В самом деле, их желание прикрыть его в 1914 году, возможно, ослабило правое крыло плана по вторжению во Францию. После Второй мировой войны генерал Хальдер заявил в Нюрнберге, что Рурская область была «самым решающим фактором в ведении войны немцами». Для его противников это не явилось новостью. Когда высадка в Нормандии была завершена, союзные генералы согласились в том, что их главная цель – военные заводы вермахта. Разнились только взгляды по поводу скорейшего пути к этой цели.

Сегодня Рур производит мало оружия. Он стал источником энергии для Европейского экономического сообщества и, благодаря всеохватности и техническому искусству Круппа, слаборазвитых стран во всем мире. Бароны, которые теперь сильнее и богаче, чем когда бы то ни было, оптимистично смотрят в будущее. Расследование их прошлого не поощряется или даже вызывает негодование. Но ведь невозможно понять настоящее Германии, не приподнимая завесы и не заглядывая в тайники и воспоминания, которые находились за семью печатями. Чтобы понять крупповский Рур, мы должны знать, что он собою представляет и представлял. К счастью, география не меняется, и один из способов начать – это взглянуть на него с трех точек: из тоннеля, с поверхности над ним и из небольшого самолета.

* * *

Тоннель лежит под землей на глубине полумили. Он находится на дне столетней шахты Эссена «Амали», названной так по имени прапрапрапрабабушки Альфрида, и добраться до него – это своего рода экспедиция. «Удачи!» – обращаются друг к другу окружающие вас крепкие мужчины, когда группа исчезает в пологом на пещеру входе. В шлемах и сапогах, с фонарями и в защитных масках от угарного газа, вы целых два часа спускаетесь на открытых лифтах, едете в лязгающих миниатюрных вагончиках и – большую часть времени – пробираетесь по древним изогнутым коридорам, вырубленным в горной породе.

Это путешествие нельзя назвать ни приятным, ни полностью безопасным. Конечно, условия горного дела улучшились по сравнению с первыми годами существования «Амали», когда люди трудились в недрах Рура, имея при себе лишь примитивные фонари, мулов и палки. Механизация все это изменила. Однако она также дала возможность спускаться глубже, а риск с глубиной увеличивается (даже в условиях механизации существует предел: после того как были написаны эти строки, коммерческая добыча угля в шахте «Амали» приостановлена). Каждый год в шахте погибают четыре-пять человек. Приходится увертываться от оголенных проводов и угольных повозок. Воздух начинен черной пылью, а единственная зажженная спичка может привести к катастрофе.

По мере приближения к забою тоннель сжимается. Нужно вставать на колени, а потом ложиться на живот. В то же время сильно возрастает температура. В тех местах, где порода сырая (в шахте вода горячее камня), показания термометра достигают 122 градусов по Фаренгейту (50 градусов по Цельсию). Впереди смутно различаешь голых, покрытых сажей людей, ползающих в густой пыли. Эти ребята, шахтеры, зарабатывают девять долларов в день. Хотя людей для работы в забое тщательно отбирают, они не могут выдержать здесь больше пяти часов подряд. Каждый день они выворачивают из недр «Амали» четыре тысячи тонн: огромное количество, если учесть, что высота забоя составляет всего ярд. Ползая среди них, видишь, как забой слабо и прерывисто освещается от колеблющегося луча твоего фонаря. Он шероховатый и сине-черный, и, когда на него смотришь, он как бы слегка отодвигается. Его режут автоматические резцы. Большие глыбы падают на ленту конвейера, которая рывками тащит их на повозки и элеваторы.

Только под одним Эссеном находится более 150 миль таких пещер, и они все время в движении: с одной стороны трудятся резцы, а с противоположной поднимаются дефлекторы

труб, чтобы заполнить пространство шлаком. Город в буквальном смысле основан на угле. И вертикальная концентрация Круппа тоже в буквальном смысле вертикальная, потому что, когда уголь поднимается наверх, он направляется непосредственно в печи.

* * *

Связь ясно видна, когда выходишь на поверхность и поднимаешься на рифленую железную крышу фабрики Круппа в близлежащем Бохуме. Глядя через территорию фабрики, видишь вереницы прибывающих поездов, груженных железной рудой. Груз приходит со всех концов света. Менее 20 процентов – германский; менее половины – европейский. Самая большая часть руды поставляется из Африки, Азии и Западного полушария. В то время как поезда сваливают в бункеры каскады сверкающей породы, из отверстий в земле появляются цепочки бадей, доверху наполненных углем, и на подвижных канатах тащатся наверх в направлении фабрики. Хороший кокс ценнее руды; фабрика расположена здесь потому, что уголь находится прямо под ней.

Как и в шахте, на фабрике жарко до безобразия – в старом рурском анекдоте барон попадает в ад и кричит: «Черт! Я забыл свое зимнее пальто!» Однако, не в пример тоннелю, фабрика представляет зрелище ослепительной красоты. Большой стальной кран потоком выливает сразу из нескольких мартеновских печей сотни тонн жидкого металла, который, мчась по земляным литейным формам, разбрасывает огромные облака искр. Корки железного оксида, хлопьями спадающие с раскаленных литейных форм, вишнево-красное зарево от металла, текущего по прокатным станам, то, как огромные кованые заготовки вспыхивают брызгами, когда их сжимают прессы высотой с пятиэтажный дом, – все это пышное зрелище захватывающее, даже восхитительно.

Да, в нем есть смысл. В шахте каждое движение казалось нудной рутинной, а наверху начинает выступать значимость Рура. Покидая Бохум и проезжая через центры тяжелой промышленности, приобретаешь чувство окружающей атмосферы. Специфическое, сосредоточенное на самом себе общество, которое возросло в тени дымящих труб, – это своя собственная среда. На вас производят впечатление чопорные силуэты терракотовых домов; темный, окрашенный дымом налет даже новым зданиям придает ауру возраста; бесконечные вереницы украшенных куполами и покрытых сажей товарных вагонов, хоть и маркируются сейчас по трафарету EUROP, не изменились по сравнению с началом 1940-х годов, когда их использовали в печально известных целях.

Вы слышите рабочих, выражающихся на таком грубом языке северной части Германии, от которого, как говорят баварцы, «кровь идет из ушей». Большинство из них говорят низким голосом. Среди управленцев обеды без участия женщин по-прежнему очень обычны. Для иностранца это довольно сильно отдает вильгельмовским духом, а здесь, как и в кайзеровской Германии и викторианской Англии, тайный секс процветает. Хотя в Эссене насчитывается всего три сотни зарегистрированных проституток, но, по оценкам полиции, есть две тысячи неконтролируемых «диких девочек», занятых неполный день, молодых, свободных, а то и замужних женщин, которые появились, чтобы удовлетворить осязаемый спрос.

Не все голоса одинаковы. Гордый, носящий монокли класс, выделяющийся щеками с ямочками, особыми шляпами и черными «мерседесами» с шоферами, как всегда, необщителен, но если вы отойдете от промышленной верхушки и переместитесь на уровень рабочих, вы окажетесь в более космополитическом мире. В этом нет ничего нового. В XIX веке польские и восточногерманские рабочие строили фабрики. Сегодня в основании рурской экономической пирамиды 70 тысяч переселенцев. Поскольку иммиграция жен и детей не поощряется, приезжие увеличивают численность мужского населения Рура. По субботним вечерам им бывает нечего делать, и поэтому они напиваются. Можно видеть, как они нетвердой походкой бродят

небольшими одинокими группами по торговым центрам, с завистью рассматривая сияющие витрины.

В течение недели, когда немки плотными массами наводняют магазины, посторонним не время заниматься разглядыванием витрин. Рурские рабочие работают по-настоящему. В самом деле, самое яркое впечатление от региона – это его активность. Все его промышленные комплексы бурлят, каждая артерия, ведущая в район и из него, заполнена грузовиками, поездами, баржами и самолетами, доставляющими сырье для заводов и уезжающими с готовой продукцией. Рур шумный, невероятно деятельный, и лучше всего видеть его с небес.

* * *

Полет над Руrom подобен маневрированию в транспортном потоке в густом тумане. В самый солнечный день видимость – меньше мили. Пелена дыма начинается к северу от Кельна и поднимается на высоту 10 тысяч футов; видно, как он исходит снизу из леса дымовых труб: черный дым, красный, желтый, белый, оранжевый смешиваются в огромные засаленные облака, в то время как внизу усердные повара добавляют приправы и специи к своему главному блюду из жидкого металла.

Ландшафт, хотя он и задымлен, никак не назовешь бесцветным. В глаза постоянно бросается спектр красок, и, глядя на паровоз, который пытит внизу (поскольку угля в изобилии, двигатели не были переведены на дизельное топливо), понимаешь, почему это так удивляет. Дело в том, что вы видели это и раньше, но в черно-белой гамме. Двадцать пять лет назад каждый истребитель союзников был оснащен кинокамерой, синхронизированной с установленными на крыльях пушками. Эти кадры воспроизводились в тысяче фильмов и документальных лент, и такое привычное клише было, конечно, черно-белым, а вот в действительности... Под вами проносятся ржаво-коричневые, в форме бутылок печи Круппа в Рейнхаузене на левом берегу Рейна; красные стрелки большого железнодорожного парка в Хамме, окраины которого все еще изрыты кратерами от бомб: мелово-лимонного цвета бетонные заводы; яркая голубизна извивающихся каналов, по которым вокруг Дуйсбурга плывут похожие на жуков баржи; желчная мгла, спиралью поднимающаяся из восьмиугольных охладительных башен, которые расположились за каждой фабрикой, – ничто не выглядит по-настоящему серым. В Кеттвиге замок Августа Тиссена имеет лазурный оттенок, а в Эссене, на северном берегу Рейна, раскинулась обширная территория крупповской виллы «Хюгель» пятнистого желтовато-коричневого цвета.

Самым удивительным цветом, однако, оказывается зеленый. Он поражает потому, что его слишком много. Попад на поверхности в средоточие мощи Рура, вы ожидали увидеть гигантский комплекс цехов и ангаров на пересекающихся захудалых улочках, окруженный унылыми трущобами. Убожества хватает в избытке. Города Ванне-Айкель, Кастроп-Рауксель, Гельзенкирхен грязны, покрыты пятнами – почти в духе Диккенса. Гельзенкирхенское барокко является немецким синонимом отвратительного вкуса. Но есть и сельская местность. Фактически только одна десятая Рура по-настоящему перенаселена, а половина находится под плугом. К северу от Дортмунда есть цветущие поместья, принадлежащие землевладельческой аристократии Вестфалии. Эта земля богата не только минералами. До того как Рур стал центром промышленности, он был сельскохозяйственной жемчужиной, и речные берега обрамлены радужными поясами покачивающихся на ветру растений.

Да, настолько благословенна здесь земля, что с ней уж никак не соотносится полная история Рура. Не во многих уголках мира природа настолько щедрa. Он не просто богат и плодороден: его месторасположение таково, что именно тут проходят естественные торговые пути Европы. Шесть веков назад он сделался торговым якорем всего континента, и, пролетая

на высоте тысячи футов над крупными городами, можно различить неровную модель средневековых аллей внизу.

Именно к этим городам вновь и вновь возвращается воображение, потому что там находится неровное, беспорядочное, но все равно удивительно подлинное величие Рура. В нем нет ничего пасторального. Фабрики неясно вырисовываются в преломленном свете подобно соборам, и, если самолет сделает вираж и спустится на несколько сотен футов, ваше внимание переключится на запутанный лабиринт под его крыльями, и вы быстро забудете об идиллическом ландшафте под хвостом самолета. Огромное впечатление производит застывшая тевтонская мощь. Хотя рурский рог изобилия сейчас выпускает мирную продукцию, все, кто помнит другое поколение, испытывают смутное беспокойство. Сама модель ключевых центров таит в себе угрозу. На карте можно видеть гигантскую фигуру мифологического злодея Фенрира-волка. По преданию, чудовище было связано волшебной веревкой, но к «Последней битве» Фенрир вырвался и проглотил Одина, верховного бога. Говорят, что силуэт волка присутствует на карте устремленным на восток. Хамм – это глаз, Реклингхаузен – ухо, Дортмунд – рот, Бохум – горло. Вупперталь и Золинген составляют переднюю ногу, Мюльхайм и Дюссельдорф – заднюю. Рейнхаузен – это хвост. Гельзенкирхен, Боттроп и Дуйсбург составляют контуры горбатой спины. А сердце – это Эссен.

* * *

Рейнская область, какой мы ее знаем, едва насчитывает столетие. Почти три тысячи лет назад армяне производили сварочное железо, а домна появилась в Европе к концу Средних веков. Индустриализация, однако, пришла в Германию поздно, а когда она появилась, воздействие было сокрушительным по причинам, кроющимся глубоко в истории страны. Растительность Рура – вот ключ к этим причинам. Даже сегодня густые леса типичны для большей части Германии, и на заре письменной европейской истории вся страна представляла собой одни сплошные заросли. Для римлян тот лес был дивом. К востоку от Рейна он простирался все дальше и дальше – темный, навевающий оторопь. Цезарь разговаривал с немцами, которые на протяжении двух месяцев шли по нему, не видя ни луча солнца. Тацит был в ужасе от его бесконечности, непроходимых болот, суровых зим и густых, сырых туманов.

Рейн был аванпостом Цезаря. Земля, лежащая за ним, никогда не становилась частью его империи. В Галлии были дороги, по которым могли маршировать его легионы, покоряя те территории, которые позднее стали Францией и придали ей политическое единство. В непроторенных девственных лесах к востоку это было невозможно, и, на наш взгляд, здесь начало цепи печальных событий. Примечательно, что самый древний из известных алтарей, расположенный на месте нынешнего Бонна, на левом берегу Рейна, был посвящен ожесточенными легионерами Цезаря Немезиде, богине возмездия. Германия, оставаясь бесформенной, в Средние века не смогла превратиться в национальное государство; как писал Уилл Дюрант, это была «не нация, а одно название». Тридцатилетняя война украла у нее эпоху Возрождения. Власть оставалась в руках порядка трехсот независимых князей (причем раздробленность нигде не была более выраженной, чем в Руре), которые подавили полусформировавшийся национализм во время французской революции и задушили либерализм в 1848 году. Потом Пруссия, эта «зародышевая клетка рейха», как называл ее Гитлер, навязала свою военную мощь лоскутному одеялу государств, создав единство, лишённое демократии. Остальная часть этой безрадостной истории известна: отсутствие парламентской традиции сделало вильгельмовский рейхстаг фарсом, уничтожило Веймарскую республику и по сей день вызывает в Бонне неотступный страх.

Но политика это только симптом. Девственный лес оказывал глубокое воздействие и на самих людей, и это может быть единственным наиболее важным ключом к загадке, почему

немцы вели себя таким образом. Еще во II веке нашей эры, за сотню лет до того, как франки стали известны как французы, Тацит предупреждал их: «Это ради вас, а не нас мы защищаем преграду Рейна от беспощадных немцев, которые так часто пытались и всегда будут хотеть обменять безлюдие своих лесов и болот на... Галлию». Римский историк был настолько подавлен местом обитания тевтонских племен, что решил, что они, должно быть, жили там всегда: «Никто, если только он не подвергается опасности со стороны страшного и неведомого моря, не покинул бы Азию, Африку или Италию, чтобы устремиться в Германию. Из-за ее дикого пейзажа и сурового климата неприятно ни смотреть на нее, ни жить в ней, если только это не твоя родина».

Со стороны Тацита это было снобизмом. Из-за своей неграмотности местные жители не могли ему ответить. Несомненно, они были бы оскорблены, потому что любовь к природе постоянной нотой проходит через века германской истории; дайте немцу выходной день, и он наберет закуски, соберет семью и исчезнет в лесу. Безусловно, первые примитивные тевтонцы могли бы переменить место для жизни, если бы этого пожелали. Они производили впечатление даже на Тацита. Для него они были благородными дикарями, храбрыми воинами. Во всех сообщениях о тех временах говорится, что они были гибки и крепко сложены, с хорошим цветом лица и рыжевато-каштановыми волосами. (В «Песни о Нибелунгах» волосы Зигфрида описываются как «имеющие золотисто-рыжий оттенок, красивые и спадающие большими локонами». Тацит заявляет, что у всех немцев «свирепые голубые глаза, рыжие волосы, высокое тело». Они содержат свою расу, продолжает он, «чистой и незапятнанной». Короче говоря, они – арийцы.) Они носили шкуры диких зверей, у них были большие ножи, которые они называли копьями, и были верны своим вождям. Оглядываясь назад с высоты Англии XVIII века, Эдуард Гиббон заметил, что «леса и трясины Германии были населены расой дерзких варваров», которые «получали наслаждение от войны, насаждали ужас и разрушения от Рейна до Пиренеев» и которые «из-за их бедности, храбрости, одержимости честью, примитивных достоинств и пороков были постоянным источником тревоги». Он заключал: «Немцы презирали противника, который казался бессильным или не склонным оскорблять их».

Мужественные, сентиментальные, неуверенные в себе и меланхоличные, недоверчивые и даже в те времена преследуемые страхом оказаться в окружении врагов, древние немцы эволюционировали в племенное создание, доверяющее только своим собственным людям. Для немца Германия стала своего рода общинным секретным обществом. Самое страшное для него – ссылка («быть изгнанным», в языческой перефразировке, – «быть волком в святых местах»). Со временем его мировоззрение усложнилось новой верой, и в особенности протестантской трудовой этикой. Но он продолжал хранить память о родовых ритуалах: скажем, о немцах Моравии, разжигающих на холмах костры в ночь накануне Иванова дня, или об умирающем вожде тевтонцев, который читает своим людям прощальную проповедь, а затем выполняет церемонию самосожжения перед священным дубом.

Взаимодействие между светом и тьмой было всегда. У трепещущего на ветру костра все было знакомо. Там флиртовали любовники, мальчики учились безжалостно драться, а самый сильный мужчина руководил всеми по правилам общинного закона. Но в глухих лесах, среди диких люпинов под нависшей луной лежала таинственная неизвестность. Там водились мрачные существа, люди говорили друг с другом шепотом. А когда затихал огонь и начинали агонизировать тени, под волнистыми кронами деревьев каркали оборотни, сердцами дьяволов овладевали волшебные мелодии, женщины преображались в мерзких животных и совокуплялись со своими собственными братьями. И в пещере Брюнхильде чудился запах мокрых от крови топоров.

Так рождались страшные сюжеты, которые с тех пор терзали готическую душу: грезы оргий, смертные пожелания, притягательность абсурда, ликование по поводу того, что немецкий поэт Среднего Возрождения назвал «преувеличенной гордостью и ужасным мщением».

Темные образы всепоглощающи; в XX веке они стали знакомы остальному миру как призраки в периодически повторяющихся кошмарах. У каждого племени была своя версия мифа, и, поскольку она была живуча и уходила корнями глубже, чем написанная история, ей не грозило развитие христианства. Самые грубые формы варварства доказали свою поразительную долговечность. Убийства сразу после рождения нежеланных девочек продолжались и в XI веке. В XVII веке примерно сто тысяч немцев были казнены за колдовство. И в тевтонских рыцарских турнирах не было ничего рыцарского. Целью было нанесение увечья. Рыцарь вступал в турнир полным решимости до смерти зарубить как можно больше таких же рыцарей; в одном средневековом турнире близ Кельна были убиты больше шестидесяти человек. Обращение в католицизм оказалось обманчивым. Старое и новое просто объединились. Со временем жизнь немцев была украшена празднованием Рождества Христова с красочными языческими символами (в особенности рождественской елкой), а в некоторых общинах переделали местные языческие легенды в рождественскую сказку.

Вот что происходило в Руре. В конце VIII века, когда Карл Великий захватил цитадель на холмах в Саксонии к югу от Дортмунда, из Эссена через реку Рур перебралась группа монахов и основала Веоденское аббатство, построенное в романском стиле, стены которого существуют до сих пор. Пятьдесят лет спустя в деревню Эссен вступили христиане, построившие монастырь, который также сохранился до наших дней, с несколькими церковными крестами и древним разветвленным канделябром. Первый епископ прибыл туда в 852 году нашей эры, но тысячелетняя легенда о его прибытии не напоминает ничего библейского. В скептической «Эдде» эльфы и феи пляшут в посещаемой призраками горной долине, когда из леса выскакивает герой-блондин. «Дикие и беспощадные люди» обитают в «дикой местности, в которой сплошные грязные топи и которая поросла непроходимыми чащами и зловонным бурьяном». Потом сверхъестественным образом появляется божественное существо и приказывает им слушать его, демоны украшаются лиственным орнаментом, и земля процветает. Он приказывает людям перестать поклоняться ложным идолам, и они повинуются. Теперь они поклоняются ему с великой пользой для всей Рурской долины. Их исключительное божество – прелат, но это лишь жест по отношению к кресту. Точно так же пришелец мог быть и дохристианским вождем. Даже его имя кажется более значительным, чем его вера. В эссенской мифологии он, как ни странно, зовется Альфридом.

Глава 1

Город за стенами

Первый Крупп вышел из лесов. Его звали Арндт, и в действительности ничего неизвестно о его прошлом. Историки семейства полагают, что он происходил от голландцев по имени Кроппен, или Кроп, которые жили в нижнем течении Рейна. В Гендрингене упоминания о таком семействе встречаются в 1485, 1522 и 1566 годах, но любая связь между ним и Арндтом является чистым предположением. Точно так же он мог происходить и от дьявола. Все, в чем мы можем быть уверены, это то, что в январе 1587 года он записал свое имя в регистре торговцев Эссена, но и это надо уточнять, потому что почерк у него был ужасный. Подпись можно прочесть по-разному: как Крупп, Крупе, Крипп или Крипе. Сограждане так и делали, пока фамилия его потомков не утвердилась в нынешней форме.

Так кто это был? На этот счет можно только строить догадки – хоть и не подкрепленные документами, но все же обоснованные.

Думаю, он был человеком состоятельным. Только в сказках одетые в лохмотья парни вступают в средневековые города и вырастают до сверкающих золотом бюргеров. На практике у бедняков почти не было возможностей улучшить свое положение. Общество не только не поощряло такой изменчивости, да и типичный крестьянин в любом случае не владел необходимыми навыками – он был необразованным болваном со словарным запасом, возможно, в шесть сотен. Каким бы скверным ни был почерк Арндта, он говорит о нем как о личности определенной значимости. Кроме того, он не мог бы вступить в гильдию торговцев, если бы приехал, не имея с собой некоторых вещей, свидетельствующих о достатке. Такое не позволялось.

Вполне можно рискнуть сделать и кое-какие предположения о личности первого Круппа. Он определенно не страдал худощавостью, характерной для последующих поколений Круппов. Арндт был немецким купцом XVI века, а мы знаем достаточно много об обычаях этого класса. Прежде всего они были большими любителями поесть. Объем живота был мерилom процветания; человек, который мог переплюнуть в еду своих соседей, повсюду вызывал восхищение. Один малый за один присест проглотил тридцать яиц, фунт сыру и очень много хлеба. После этого упал замертво и стал национальным героем. Продолжавшиеся по семь часов застолья не были необычными; подсчитано, что люди зажиточные проводили половину своих часов бодрствования либо жуя, либо очищая кишечник. При таких обстоятельствах лишь ненормальный обмен веществ мог помешать растолстеть богатому человеку.

Таким образом, в нашем воображении Арндт совершает свой дебют слоновьей поступью. Это было в конце 1500-х годов. Со времен Карла Великого Эссен очень сильно изменился. В X веке он стал крупным городом. А после того как он вошел в Ганзу – мощный союз немецких городов, – его население достигло пяти тысяч человек, что сейчас кажется крошечной цифрой, но тогда сделало его крупнейшим и самым плотно населенным городским образованием в Европе. Ганзейский союз постепенно приходил в упадок. Его главный город Любек истощен после длительной войны со Швецией (1563–1570), нидерландские порты расширяются, и Атлантика открылась для торговли, в результате чего стало возможным обходить стороной немецкие реки. Тем не менее Эссен продолжает процветать. Если смотреть издалека, его очертания становятся воплощением ярких фантазий бюргеров. Над его зубчатыми стенами – тридцать футов высотой и почти столько же толщиной – подобно иглам на фоне неба возвышаются башни и шпили, а за ними под рифлеными крышами великолепные пятиэтажные купеческие дома, построенные из крепких бревен, обшитых досками и скрепленных известковым раствором и терракотой.

Однако вблизи Эссен был не таким привлекательным. Каждый фут земли внутри его был на вес золота. Если не считать торговую площадь, дышать было почти негде. Сейчас, четыреста лет спустя, площадь по-прежнему находится в центре Эссена, а рядом с ней – седые стены здания муниципалитета, собор, которому насчитывается тысяча сто лет, и древняя церковь. Трудно представить себе дух тех времен, когда они возводились, – так много универсальных магазинов, столько зеркальных стекол, – но живы шестьдесят тесных кварталов внутри имеющего овальную форму старого города и в них можно заблудиться. Во времена Арндта все выглядело гораздо хуже. Дома, как пьяные, наклонялись один к другому; верхние этажи выступали и затемняли проходы внизу, по немощеным узким улочкам бродил скот. Случались страшные пожары. Несмотря на стены, в город ухитрялись проникать волки; их истребляли. С наступлением ночи повсюду царил страх. В сумерки звучали горны, возвещавшие о комендантском часе. После этого никто по возможности не выходил из дому, потому что на улицах появлялись разбойники, – цепи, которые вешали на перекрестках, чтобы помешать им, были неэффективны, – и робкие бюргеры тревожно прислушивались к бряцанию кованого посоха ночного сторожа и его скорбным возгласам: «Молитесь за мертвых!»

А надо бы не только молиться. Волки и воры конечно же досаждали, но никто не замечал большего зла – полного отсутствия санитарии. Никто не видел гражданской угрозы в том, чтобы выливать из каждого окна нечистоты. Богатые семьи уменьшали зловоние с помощью лепестков роз и лаванды и начинали заниматься другими делами. И неизбежное случалось. То и дело вспыхивали болезни. Эпидемии приписывали грехам, лечили их путем возврата к набожности, а циклы неизменно повторялись. Арндт Крупп стал исключением. Благодаря своему гению он нашел способ извлекать из эпидемии выгоду. Через двенадцать лет после того, как он поселился в доме, выходящем фасадом на эссенский рынок Зальц, разразилась эпидемия бубонной чумы. Чума в середине лета была самым страшным кошмаром Средневековья, а ее приход в Эссен – особенно ужасным. Пораженные ею дома находились под карантином, а здоровые люди оставались и гнили вместе с больными. Обезумевшие мужчины, обнаружив в себе признаки болезни, в последних конвульсиях подстерегали и насиловали женщин. По ночам на улицах скрипели повозки, доверху заваленные трупами; за городскими стенами слабоумные пьянчужки скатывали обнаженные тела в общие могилы. Потом муниципальные служащие уехали. Город наполнился вонью. Во многих кварталах уже не оставалось никого, кто мог бы жаловаться; согласно одной из летописей того времени, целые улицы были подобны «печальным заброшенным кладбищам». По мере того как чума разрасталась, Эссен охватывала паника. Мужчины по дешевке продавали собственность и на вырученные деньги устраивали последние попойки. Арндт, сделавший ставку на то, что он выживет и не проиграет, приобрел обширные «сады и пастбища» за воротами города, купив участки земли, которые почти четыре века спустя все еще оставались частью семейной империи.

Воздавать ему честь за дальновидность было бы абсурдно. Сквозь туманы веков первый Крупп просто представляется проницательным лавочником с зорким видением главного шанса. И хоть позднее он вступил в гильдию кузнецов, ничто не указывает на какие-либо помыслы о создании промышленной династии. Если бы они у него были, он пошел бы другими путями. На протяжении многих лет работавшие в карьерах угольщики по Рейну отправляли доверху груженные топливным углем суда в Нидерланды, Бельгию и Люксембург. Арндт это проигнорировал. Он не присоединился и к тем, кто переправлял гидроэнергетические ресурсы в горах к югу от реки Рур, чтобы приводить в движение молоты и кузнечные мехи, превращая железную руду в кованое железо. Мехи были тогда уже достаточно большими, чтобы плавить руду для литья, как всегда, отливалась бронза, и в мастерских Золингена, в четырнадцати милях к югу от Дюссельдорфа, кузнецы закаливали и шлифовали клинки немецких рыцарей.

Арндт не имел к этому никакого отношения. Он не был оружейником. Он был торговцем. В ретроспективе мы видим его в развалочку прохаживающимся перед своим домом, выхо-

дящим на рынок соли, в просторном одеянии, в твердой фетровой шляпе, приветствующим утренний звон колоколов на здании муниципалитета и встречных приятелей: ночного сторожа, городского служащего, палача. Он одет в парусину и фетр, и, как лидер общины, он иногда меняет свою одежду. Соседи знают его как активного лютеранца, из-за чего он, возможно, сюда и иммигрировал. Хотя номинально Эссеном правит настоятельница бенедиктинского женского монастыря, ей приходится терпеть присутствие протестантов. Не менее важно (и не менее редко) она высказывает одобрение в адрес торговли. Как купец, Арндт является членом растущего, но вызывающего споры класса. Большинство священнослужителей подозрительно относятся к подкрадывающемуся материализму. Один из них жалуется на то, что мужчины, видимо, интересуются только плотской любовью и барышами; другой тревожится по поводу того, что «в наши дни, увы, люди отдают предпочтение богатому хаму перед бедными и бесправными мелкими собственниками; человек без имущества вызывает презрение, каковы бы ни были его знания или поступки».

У Арндта есть имущество. Возможно, он даже хам. Но в то же время, думая о нем как о бизнесмене, мы должны помнить, что он – не наш тип бизнесмена. Штат сотрудников у него крохотный. На самом деле ему, возможно, и вообще не нужна посторонняя помощь; почти сразу же после прибытия сюда он женился на некоей Гертруде фон дер Гатхен, которая быстро произвела на свет четверых симпатичных детишек. Они выросли и научились присматривать за припасами, потому что, хотя торговля (в основном скотом, вином и шнапсом) и сделала Арндта одним из богатейших людей в городе, у него нет отдельного магазина; все сделки осуществляются и все книги учета хранятся либо на первом этаже его дома, либо около него на улице. Короче говоря, он – типичный средневековый предприниматель. В общине маленьких магазинчиков и только начинающей развиваться промышленности хозяева торговли образуют узкий круг олигархов. Они владеют улицами, управляют ярмарками, смотрят за тем, чтобы стена была отремонтирована, чтобы евреи знали свое место. Они даже назначают должностных лиц – и обычно они выбирают своих родственников. Правящая клика – это, по существу, закрытая корпорация, и быстрое принятие Арндта в высшие советы мы можем отнести на счет его исключительной удачи во время чумы.

Это – не просто картина Эссена в 1600 году; это – Эссен, которым он оставался на протяжении большей части двух последующих столетий, до вспышки политических и экономических революций в конце XVIII века. XX же век стал настолько созидательным, что нам трудно понять, какой неподвижной была когда-то цивилизация в Центральной Европе. Ее почти не затронули культурные всплески того времени. Повсюду зарождался век разума, освещая человеческие горизонты. Здесь же в темноте ходили только неясные слухи. Долгие века тянулись один за другим, безмолвные, инертные, холодные, суровые. Князья умирали, банды наемников устраивали марши и контрмарши, но общество, в особенности торговое общество, сохраняло застой. Дисциплинированный, невозмутимый, враждебно настроенный в отношении перемен, ревностно охраняющий свои привилегии, класс торговцев порождает поколение за поколением, каждое из которых было в точности таким же, как предыдущее. Личные состояния росли и рушились, но диапазон успеха или неудачи был резко ограничен. Даже национальное бедствие не могло сколь-либо существенно поколебать установившийся порядок.

Тридцатилетняя война была национальным бедствием. В период между 1618-м и 1648 годами Германия была окровавленной подстилкой для пяти иностранных армий – датчан, шведов, испанцев, французов и богемцев. Сотнями уничтожались деревни, и около половины населения погибло. Во многих опустошенных районах люди выживали только путем каннибализма: матери пожирали своих младенцев, голодные толпы людей срывали с виселиц еще теплые трупы и рвали их зубами. Эссен в качестве естественного перекрестка на Вестфальской равнине находился в самом центре этого кошмара. Более того, война была религиозной, и правящая настоятельница, принесла терпимость в жертву, объявила испанцам, что город находится

под контролем еретиков. То, что Круппы пережили все эти годы, само по себе достаточно примечательно. Удивляет то, что на них, по-видимому, почти никак не повлияла эта трагедия. Да, Арндт скончался в 1624 году – после того, как предусмотрительно вложил деньги в надгробие из публичной каменоломни, – но время его, так или иначе, закончилось. За год до этого умер его сын Георг вместе со своей молодой женой; городские архивы связывают их смерть с эпидемией. Сестры Георга Катарина и Маргарет пережили всю эту катастрофу и вырастили своих собственных детей. Весьма любопытный факт: Катарина, выйдя замуж за Александра Хюссена, объединила Круппов еще с одним будущим семейством «баронов дымовых труб». Она дожила до восьмидесяти восьми лет, на полвека пережив мужа и накопив независимое состояние в недвижимости.

Однако наибольший интерес представляет карьера другого сына Арндта. Антон Крупп – это один из представителей своего поколения, который оказался отнюдь не ничтожеством. Из летописей, хотя они и отрывочны, выступает человек изобретательный и даже драчливый – однажды он был крупно оштрафован (штраф составил 10 талеров; в пересчете на современную покупательную способность талер XVII века равнялся 10 долларам, а позднее он стоил половину этой суммы) «за избивание на улице доктора Хассельманна». В 1612 году Антон женился на Гертруде Кресен. Старший Кресен был одним из двадцати четырех оружейных мастеров Эссена. Антон занялся ремеслом своего тестя и во время войны продавал по тысяче стволов в день. Мы ничего не знаем об их калибре и качестве; мы даже не уверены в том, кто были его клиенты. В протоколе городского совета от 1641 года он характеризуется как «наш высокочтимый патриот господин благородного происхождения герр Антон Крупп», то есть он был человеком преуспевающим. Предположительно, прибыли ему мог приносить семейный магазин, но источник и размеры доходов Антона не важны; важно то, что он был первым представителем династии, занявшимся торговлей оружием, и то, что он ступил на эту стезю так рано. После него – длительный пробел. Запись о следующей военной сделке появилась в семейных учетных книгах лишь в наполеоновскую эру. Тем не менее, все так и было: один из Круппов продавал пушки в Руре почти за три века до Вердена и за три с четвертью века до Сталинграда. Подобно вспышке артиллерийского огня далеко на горизонте, это было зловещим событием. Но вспышка может лишь зарегистрировать наличие пушки. Перед артиллеристом же остается проблема дальности стрельбы.

В середине XVII века Вестфальский мир положил конец Тридцатилетней войне и агонии тевтонов. Франция, точно следуя замыслам Ришелье, стала господствующей державой в Европе – одно из звеньев в цепи галльских триумфов, которое немцы никогда не забудут. А в Германии цвела племенная вражда. Существовала острая необходимость в возрождении, восстановлении сил. В Эссене семья, которая в дальнейшем сыграет такую впечатляющую роль в национальном отмирании, вновь открыла свою мастерскую у рынка соли и расширила свои рынки сбыта. Город опять переживал бум. Последние чужеземные войска покинули его, за что из своего кармана заплатила торговая олигархия. В женском монастыре появилась новая настоятельница. А в муниципалитете вступил в должность молодежавый клерк по имени Маттиас Крупп.

Маттиас был сыном Георга, осиротевшим в возрасте двух лет. Его отличал стойкий консерватизм, часто свойственный людям, которые воспитывались во времена широко распространенных беспорядков, и при нем Круппы вступают в тусклый период. Теперь, в своем третьем поколении в Эссене, они стали местными аристократами. Невозмутимые и состоятельные, они закрепились в качестве членов истеблишмента и стали весьма уважаемыми жителями Эссена. Больше нет путаницы насчет фамилии. Она крупно и ясно написана жирным черным курсивом. Чума больше не беспокоит Круппов, никто не выходит из себя и не избивает на улице доктора Хассельманна.

Потребность в крупных делах – не новая их характерная черта. Яркими примерами служили Арндт и Катарина. Теперь же это превращается в манию. Начиная с Маттиаса – который

покупает драгоценные земли к востоку от стены, ставшие впоследствии сердцевиной огромной оружейной фабрики династии, – каждый из Круппов по очереди поддается сильному желанию расширять среду своего обитания. В конце концов они приобрели почти все из того, что стоило иметь; к шестому поколению лживый летописец называл их «некоронованными королями Эссена».

Весьма вероятно, что автором формулы был кто-то сам из Круппов, потому что, помимо прочего, семья контролировала городскую мэрию. Это было еще одним направлением курса, установленного Маттиасом. После смерти в 1673 году он оставил троих сыновей. Старшему, Георгу Дитриху, было всего шестнадцать лет, но семья обладала такой властью, что должность городского клерка оставалась вакантной до достижения им совершеннолетия. Георг Дитрих на протяжении шестидесяти четырех лет имел в своем распоряжении секретарские печати, а когда он умер, эта должность перешла к племяннику. Другой сын Маттиаса служил бургомистром. Третий сосредоточился на бизнесе, открыв дополнительное текстильное предприятие, и руководил эссенским сиротским приютом. В 1749 году исполнилось ровно сто лет, как Круппы владели атрибутами муниципальной власти, и по такому случаю устроили торжественный вечер. Это было неосмотрительно. Перспективы были не столь яркими. Династия, похоже, выдыхалась. Из троих братьев только бургомистр, Арнольд Крупп, оставил после себя сыновей. Их было двое, и оба вызвали разочарование. Новый клерк, Генрих Вильгельм Крупп, барахтался в открытых разработках, потерял все и был вынужден продать часть собственности, чтобы оплатить счета. Брак Генриха оказался бесплодным. В результате продолжение мужского рода пало на его брата, Фридриха Йодокуса Круппа. Йодокус никогда не имел власти управленца, а под его равнодушным руководством бизнес скатился чуть ли не до уровня бакалейной лавки. Но ему удалось избежать банкротства и в 1737 году перевести большой магазин в импозантное здание на углу у льняного рынка. Самое же главное в том, что он произвел на свет сына.

Он и здесь чуть не потерпел провал. Его первая жена умерла, не родив детей. В сорок пять лет он был бездетным вдовцом и, казалось, обречен стать последним из Круппов. А затем, в 1751 году, династия получила помилование. Йодокус женился на девятнадцатилетней Хелен Амали Ашерфельд. Поскольку немцы – сторонники мужского шовинизма, есть тенденция игнорировать роль женщин в создании и сохранении первенства Круппов. На всем протяжении этих спокойных лет красивые и талантливые женщины умножали семейное состояние, и, хотя невоспетые дочери уходили, чтобы воспитывать собственные выводки, их потомки прилипали к Руру, а в следующем веке внесли в семейство свой вклад состоянием и талантами. У Хелен Амали есть и еще одно отличие. Несомненно, она была сильной представительницей Круппов своего поколения. Было бы неправильно сказать, что она привнесла в клан свежую кровь (Арндт Крупп был ее прапрадедом), но она ввела тот стиль, которого, к сожалению, не хватало ее родственникам-мужчинам. Она была сообразительной, энергичной и трудолюбивой. Кроме того, способна рожать. Йодокусу после свадьбы оставалось жить всего шесть лет, но Хелен Амали потребовалось меньше года; она забеременела почти сразу же. Ребенок, Петер Фридрих Вильгельм Крупп, своего рода переходный. Всю жизнь он оставался в тени своей матери, у которой работал бухгалтером. Будучи вдовой Крупп, Хелен Амали расширила льняной магазин, добавила к нему мясную лавку, отдел по продаже красок и готового платья, в то время как ее сын валял дурака в ружейной ассоциации и почитал память предков, служа в муниципальном совете. В двадцать шесть лет он женился на девушке из Дюссельдорфа; в сорок два он умер, и его мать начала посвящать его восьмилетнего сына в секреты торговли.

А они становились более загадочными. Рур еще даже не подошел к порогу своего величия, но делал в себе некоторые любопытные открытия. Мужчины начинали понимать, что такое доменная печь. Ее применение распространялось медленно, и теперь бригады людей регулярно отправлялись в леса, чтобы добывать железную руду. Хотя она и содержала примеси серы и фосфора, руда имела в изобилии, и ее прямо там же в лесу обрабатывали в плавиль-

ных печах на древесном угле, который, как выяснилось, при высоких температурах вступает в соединение с рудным кислородом, освобождая железо от окисей. Необходимая температура достигалась различными способами. Вначале плавильщики просто разжигали костер на вершине ближайшего холма и надеялись на то, что ветер раздует пламя. Придя к мысли, что кузнечные мехи будут более эффективны, передвинули свои печи к берегам быстрых потоков, которые питали реку Рур. Все это было очень непродуманно. Долина оставалась сельскохозяйственной, и железо главным образом использовалось для изготовления инвентаря местных фермеров. Оно было недостаточно качественным для экспорта, но даже если бы оно стоило того, чтобы его вывозить, экспортерам мешала бы невероятная путаница с пошлинами на пользование рекой. Это все еще была феодальная страна – даже в 1823 году Эссен еще не разросся до границ своих средневековых стен, – и каждый землевладелец по берегам Рура и Рейна устанавливал свою плату для плывущих по ним барж.

Только проницательный торговец мог бы увидеть семена выгодной отрасли тяжелой промышленности в этой спорадической, ущербной деятельности. Но вдова Крупп была в числе самых прозорливых немцев своего времени. Она приобрела металлургический завод к северу от Эссена и купила акции четырех угольных шахт. У нее были средства, чтобы глубже погрузиться в столь серьезное дело: согласно отчетам сына, ее состояние составляло 150 тысяч талеров. Изучая возможные капиталовложения, она остановила выбор на «Гютехоффнунгсхютте», кузнице на берегу ручья Штеркраде неподалеку. Это был отличный выбор. Построенная в 1782 году кузница принадлежала фабриканту железных изделий, которому не хватало древесного угля и который уже начал экспериментировать с каменным углем. К несчастью для себя, он был неумелым бизнесменом, и в 1800 году ему пришлось исчезнуть из Рура, чтобы скрыться от кредиторов. Главной среди них была Хелен Амали Крупп, у которой имелась первая закладная на это предприятие. Вдова действовала быстро. «Поскольку он сбежал тайно, – отметила она в своих записях, – то обанкротил свое имущество, и ввиду моих серьезных претензий я смогла выкупить его на публичном аукционе, заплатив 12 тысяч талеров, или 15 тысяч талеров в берлинских банкнотах, за все строения, фабрику, права и добрую волю».

Семь лет спустя она назначила своего девятнадцатилетнего внука, Фридриха Круппа, управляющим предприятия.

* * *

Великая семейная ирония заключается в нынешнем названии фирмы, прославляющей на разбросанных по всему миру фабриках XX века надписи «ФРИД. КРУПП ИЗ ЭССЕНА», поскольку наследник вдовы уникален среди Круппов. В одиннадцати поколениях торговцев и управленцев он, несомненно, самый некомпетентный.

Фридрих, родившийся ровно через двести лет после того, как Арндт Крупп приехал к городским воротам, был правнуком правнука Арндта, и тем самым ему были гарантированы манеры аристократа. Его проблема заключалась в том, что у него их было слишком много. Он был полон решимости стать первым настоящим промышленником Рура и в своем рвении, как слепец, натывался то на одну беду, то на другую. В самом деле, провалы у него случались с такой фатальной регулярностью, что можно заподозрить, что манеры были фиктивными – что он только притворялся в своей уверенности, которая у него должна была бы быть, но по какой-то причине отсутствовала. Безусловно, он представляется весьма противоречивым молодым человеком. Внешне он был динамичен, ярок, полон задора; в своем личном дневнике он оставил такую запись: «Ах, я обречен на то, чтобы жить в нужде... С нашей глупости мы собираем урожай несчастий и неудач».

«Гютехоффнунгсхютте» принесла ему первую неудачу. При Хелен Амали кузница стала высокоприбыльным предприятием, выпуская кухонную утварь, печки, весы, а на субсидии из

Берлина – пушечные ядра для Пруссии. Как и оружейные стволы Антона Круппа, ядра – это вспышка на отдалении; последующие события придали им большее значение, чем они имели тогда. Однако они были ясным знаменем времени. Призрак Бонапарта мрачно навис над всем континентом. Рур, находившийся в походном марше от границы, не мог избежать перемен. В 1802 году Пруссия – «не государство с армией», как сострил Мирабо, а «армия с государством» – захватила Эссен и Верден, покончив с тысячелетием правления настоятельных. Для Берлина кузница, способная выпускать бронебойные снаряды, представляла очевидную ценность. Вдова Крупп проявила к этому интерес: талер есть талер. Тем не менее, интуитивная осторожность удерживала ее от крупномасштабной конверсии производства, и последующие шесть лет доказали ее правоту. В 1805 году Пруссия отказалась от своих австрийских и русских союзников и договорилась с Наполеоном. Происходил обмен участками земли, в числе которых оказалась и часть Рура, которая стала именоваться французским великим герцогством Берг. Правителем герцогства был Иоахим Мюрат, маршал Франции и муж Каролины Бонапарт, который обосновался со штабом в Дюссельдорфе. Хотя Эссен не являлся частью сделки, маршал решил взять и его. Ввел войска. Приняв этот вызов, пруссаки однажды ночью собрались толпами у древней зубчатой стены и изгнали французов. Это поставило Наполеона в затруднительное положение. Он публично осудил Мюрата, в частном порядке велел ему немного подождать и свел счета три года спустя при заключении Тильзитского мира, когда Эссен, в то время город с населением в 15 тысяч человек, так или иначе, был включен в состав герцогства.

Вдова же вернулась к изготовлению кастрюль и сковородок. Когда вокруг бегало так много сумасшедших в эполетах, это было единственным разумным ходом. Однако у ее внука были другие идеи. С детства он был прикован к прилавку в доме номер 12 по улице Лыняного рынка, торгуя по мелочи, и, когда Хелен Амали отпустила его в литейный цех, он уволил старого мастера, потом прекратил нудный процесс изготовления традиционных металлических изделий и переоборудовал цех для высокотехнологичного производства: поршней, цилиндров, паровых труб, машинных деталей. Абсурд. У его рабочих не было необходимых навыков, а его собственный опыт ограничивался эссенским магазином. Одним махом он превратил скромное, но доходное место в банкрота и отметил свой «триумф» тем, что женился – в Гютехоффнунгсхютте.

Его жена была плохо подготовлена к ожидавшей ее странной жизни. Тереза Вильгельми, которой еще не было двадцати лет, праздновала свою помолвку, отплясывая на улицах Эссена, прижимая к себе куклу и вопя на нижненемецком диалекте: «Я невеста!» Очевидно, ей и в голову никогда не приходило, что ее жених – дурак. В том обществе почтительное отношение к кормильцу было почти абсолютным, даже если он полный неудачник. Новобрачная была воспитана так, чтобы выращивать сильных детей. Она вырастила четверых, и большего от нее нельзя было ожидать. На портрете это похожая на птичку женщина с тонкими губами. Она выглядит решительной, даже упрямой, но ей не хватает интеллигентности, а портрет был написан достаточно поздно в ее жизни, когда она, по крайней мере, уже научилась читать. Несмотря на то что она была дочерью купца, она говорила нечленораздельно. Даже через девять лет после свадьбы зять Фридрих писал об их женах: «Они даже не умеют правильно разговаривать по-немецки, хотя это их родной язык, не говоря уже о том, чтобы писать».

Бабушка Терезино мужа не страдала таким недостатком. Особенно хорошо она разбиралась в цифрах и, едва взглянув на его счета, решила действовать. Вскоре после свадьбы Фридрих заболел. Когда же он выздоровел, то обнаружил, что Хелен Амали продала «Гютехоффнунгсхютте» трем владельцам угольных копей. Другой мог бы призадуматься над этим уроком. Но не Фридрих. Он увидел лишь то, что его бабушка, осуществив, как обычно, надежную сделку, увеличила свое состояние на 47 250 талеров, и сразу же стал думать, как бы их потратить. 3 августа 1809 года мы застаем его путешествующим в Берлин с паспортом, подписанным Наполеоном. Если бы Бонапарт знал, что было на уме у молодого Круппа, он не

разрешил бы ему путешествовать дальше ближайшей тюрьмы. Император по всей Европе разбросал кордоны из таможенных постов. В промежутки времени между введением им налогов и английской блокадой рурские купцы совершенно растерялись; муж сестры Фридриха Хелен, Фридрих фон Мюллер, был вынужден заняться изготовлением суррогатного кофе, а другие изучали порошки средневековых алхимиков в неистовой надежде как-нибудь заполнить прилавки. Однако Крупп шел иным путем. Он решил в нарушение закона контрабандно ввозить на континент продукты из нидерландских колоний. В ноябре того года он и его агенты планировали доставить товары из Амстердама в Эссен. Ротшильды могли бы успешно справиться с таким делом. А он не мог. Каким-то образом ему удалось выманить у своей обычно бережливой бабушки 12 500 талеров. Тогда агенты, которые, возможно, обманывали его с самого начала, написали ему, что все потеряно; перехитрить французов было невозможно.

Так все и произошло. Так с ним происходило всегда, и теперь он собирался повысить ставки. 9 марта 1810 года Хелен Амали скончалась на семьдесят девятом году жизни. Она могла бы назвать других наследников. В Эссене жила ее внучка фрау фон Мюллер, а также правнук Георга Дитриха, Георг Кристиан Штоллинг. Конечно, она не могла питать никаких иллюзий в отношении кроличьих способностей будущего контрабандиста под ее крышей. Тем не менее, он был старшим сыном ее старшего сына. Права прямой мужской линии наследования сильно поддерживались обычаями. Она сердцем не могла оставить его без наследства, поэтому фактически все попало в его руки – магазин у льняного рынка, накопленные за двести двадцать три года акты и сделки и состояние в наличных: 200 тысяч талеров, что сегодня примерно эквивалентно миллиону долларов. Фридрих размечтался. Первым делом он решил изменить магазин у льняного рынка. Его долгая жизнь в качестве розничной торговой точки должна была вскоре закончиться. В будущем он перейдет на оптовые продажи. Возможно, оптовая торговля казалась пределом мечтаний, хотя более вероятно, что он все еще держал глаз на Амстердаме; товары, о которых он вел речь, кофе и сахар, подлежали обложению французскими пошлинами. Но это было только началом. Будучи человеком состоятельным и независимым, он стремился к чему-то более эффектному. Он хотел крупной удачи, и еще тогда, когда завещание его бабушки находилось в стадии утверждения, решил, что найдет почти легендарный секрет изготовления литой стали.

В наполеоновскую эру о литой стали говорили с особым почтением. В то время это было подобием ядерной реакции: таинственная, чарующая, казавшаяся безграничной в своих возможностях. Сталь – низкоуглеродистое железо, крепкое и ковкое – не является природным созданием, и в ту пору, когда химию знали плохо, она считалась чудом. В прошлом операторы плавильных печей производили ее в небольших количествах, манипулируя железом и углеродом с помощью стержней и одновременно регулируя поток воздуха, проходящего сквозь мехи. Производя металл, они обращали внимание на его «ощущение», внешний вид, руководствовались интуицией, использовали ловкость рук и секреты, которые переходили от отцов к сыновьям. До XIX века эти рассчитанные на удачу методы были неплохими, но теперь, с расцветом эры машин, Европа отчаянно требовала крупных слитков высококачественной стали. Старые кузнецы помочь не могли. Как не могли помочь и операторы доменных печей; печи производили только чугун с его большим содержанием углерода, неприемлемо хрупкий. Предпринимались попытки сплавливать несколько небольших слитков стали и обрабатывать их как единые блоки; кузнецы были разочарованы, потому что кислород воздуха, вступая в реакцию с углеродом стали, разрушал всю партию.

Тем не менее, некоторым удалось с этим справиться успешно. То есть путь действительно существовал, и его нашли. К большому раздражению Наполеона, первооткрывателями были англичане. Британцы не только производили литую сталь; на протяжении семидесяти лет у них была на нее монополия. В 1740 году часовой мастер из Шеффилда по имени Бенджамин Хантсмен перекрыл доступ воздуху, раскаляя металл в небольших закрытых глиняных вагран-

ках. (На самом деле был заново открыт процесс, существовавший в древности. Он родился в Индии, применялся для изготовления знаменитых булатных мечей и описан Аристотелем в 384 году до нашей эры. Потом эта формула была потеряна.) Новый изобретатель называл эти вагранки тиглями, в конечном счете получаемый из них металл стал известен как тигельная сталь, или, в Пруссии, литая сталь. В молодости Фридриха Круппа она все еще именовалась английской сталью. Хантсмен и его последователи тщательно охраняли тайну своего процесса. Европейцам, которые хотели получать отличные ножевые изделия, долговечные часовые пружины или, самое важное, детали машин, приходилось импортировать сталь из Шеффилда.

Победа Нельсона в Трафальгарской битве и последующая блокада королевских военно-морских сил положили всему этому конец. Наполеон предложил вознаграждение в размере 4 тысяч франков первому производителю стали, который создаст процесс, аналогичный британскому. Это вознаграждение и привлекло внимание молодого Круппа. Подобную же заинтересованность проявили и другие. В год смерти Хелен Амали управляющий шахтой «на службе наполеоновского короля Вестфалии» раскрыл, как сообщалось, «секрет англичанина». На следующий год те люди, которые получили «Гютехоффнунгсхютте» от Фридриха, объявили, что они «обладают секретным процессом», другие претензии были зарегистрированы в Льеже, Шаффхаузене, Киршпильвальде и Радеформвальде. Впоследствии потомки Фридриха будут неистово утверждать, что эта честь принадлежала ему, и выдвигать обвинения в том, что все другие претенденты – обманщики. На самом деле сделать выбор между ними невозможно.

Разгадка процесса изготовления литой стали сама по себе не имела значения. Все упиралось в первичную разработку прочных, герметичных вагранок, а затем в создание такой технологии, чтобы их жидкие наполнители стекались одновременно в центральную литейную форму. Короче говоря, это было делом организации и деталей – тот самый вызов, к которому Фридрих Крупп был меньше всего готов.

Этот аспект проблемы понимался плохо, когда 20 сентября 1811 года Крупп основал сталелитейный завод «для производства английской литой стали и всех предметов, изготавливаемых из нее». Первым помещением для завода была пристройка к дому у льняного рынка, по размерам не больше темной комнаты фотографа, сбоку и сзади от основного здания. После того как была установлена дымовая труба, едва оставалось место для того, чтобы повернуться. Каморка настолько не отвечала никаким требованиям, что приходится только удивляться намерениям основателя. Представляется невероятным, что он – даже он – всерьез думал, что сможет решить величайшую индустриальную проблему своего времени в задней спальном комнате. Возможно, он относился к сталелитейному заводу как к хобби. Это, кажется, подтверждается и его ежедневным распорядком: оптовый торговец днем, он по вечерам заходил в каморку и буквально играл с огнем. Для более терпеливого человека это, вероятно, имело бы смысл. Случай же с Фридрихом не поддается простому определению. Если его погоня за призовыми деньгами была серьезной, то каждый час, проведенный им не за его экспериментами, был часом, потраченным впустую. Более того, робкие поиски брода не укладывались в его характер. Подобно прирожденному спортсмену, он предпочитал сразу нырять глубоко и все чаще и чаще находил поводы, чтобы оторваться от письменного стола и поспешить в каморку. Наконец, его спекулятивная лихорадка развилась в знакомый симптом: предчувствие. Он почувствовал, что напал на какой-то след.

У него были для этого некоторые основания. Два месяца спустя после объявления о том, что он занял место в стальном бизнесе, он подписал контракт с двумя братьями из Висбадена – Вильгельмом и Георгом фон Кехель. Кехели были прусскими армейскими офицерами. Уйдя в отставку и надеясь найти прибавку к пенсии, они случайно наткнулись на информацию о вагранках Шеффилда. В Эссене они обратились с предложением к Круппу. Если он возьмет их в партнеры и вложит капиталы, они обеспечат технологию производства литой стали. Были подготовлены, подписаны и засвидетельствованы соответствующие бумаги, а затем любопыт-

ный эпизод с пожилыми братьями исчезает в тумане споров. Согласно одной версии, Кехели были дешевыми авантюристами, которые обманывали невинного юношу. Согласно другой, они создали настоящие тигли, сконструировали подающие устройства, но потерпели провал из-за невежества и горячности Фридриха. Каждая из этих версий возможна, но ни одна не является полностью удовлетворительной, потому что игнорирует варварскую атмосферу того года. Наполеоновская Европа приближалась к своей агонии. Эссен был на грани новой боевой готовности, и весьма сомнительно, что какое-либо новое предприятие смогло бы процветать в обстановке волнений, движения и шума 1812 года.

Для Круппа это было продолжавшимся двенадцать месяцев кошмаром. Первые сотрясения застали его в тот момент, когда он передвигал фабрику. Его новые партнеры не без оснований указали, что каморка для этих целей не годится. Даже если бы удалось изготовить много стали, он ничего бы не мог с ней делать – формирование крупных слитков требовало гораздо большего, чем мускулы человека, поэтому он построил металлургический завод на семейном участке земли у небольшого эссенского ручья и подсоединил его водяное колесо к молоту с силой удара в 450 фунтов. Тем временем оптовая торговля чахла. Его необразованная жена не могла быть ему помощницей, да к тому же была во второй раз беременна; 26 апреля она родила их первого сына, который в присутствии Кехелей в качестве крестных отцов был окрещен Альфридом в память легендарного героя Эссена. (Он оставался Альфридом до своей первой поездки в Англию в 1839 году, где в приступе англофилии изменил это имя на Альфреда. Однако, во избежание путаницы, мы сразу будем называть его Альфредом.) Вхолостую работая с новым молотом, видя, как потеют над вагранками пожилые Кехели, и каждый вечер возвращаясь в стены города к скучным занятиям бухгалтерским учетом, молодой отец на протяжении всей осени совершал грубые ошибки. Будем снисходительны: надо признать, что беды Фридриха не целиком исходили от него самого. Кому-то надо было сделать первый шаг к высококачественной стали, и ему приходилось платить цену первооткрывателя. Да, его мотивы не лишены эгоизма – он жаждал наполеоновского золота, – вдобавок имел замечательный талант ухудшать и без того плохие ситуации. Хотя для последующих поколений немцев его изображали как человека дальновидного, на самом деле он постоянно попадал впросак, читая знамения истории, и на исходе года допустил ошеломляющий просчет. С момента смерти бабушки он все колебался – следует ли сотрудничать с французами. И вот он бросился головой в воду, поклявшись в верности Наполеону – как раз тогда, когда великая армия императора угодила в снега России.

В коллаборационизме, как и в других формах быстрого падения, невозможно остановиться; побеждает инерция. Клятва Фридриха была только началом. Он вошел в состав правительства в качестве члена городского совета, поднял трехцветный французский флаг, надзирал за расквартированием французских войск в домах Эссена и ссужал деньги двум французским оружейникам. К концу апреля он стал адъютантом 1-го эссенского оборонительного батальона. Романтика здесь весьма призрачная: адъютант всегда «крайний», он обречен на грязную работу. Когда той осенью пруссаки преследовали уцелевших солдат великой армии, изнуренные остатки наполеоновской армии попытались создать последнее укрепление на Рейне, и Круппа заставили работать лопатой, роя для них окопы. В нашем менее прощающем веке такое поведение означало бы конец карьеры и, возможно, виселицу. Но тогда национализм был менее серьезным. Хотя и было несколько восстаний против правления в Руре французов, трудно сказать, на чьей стороне должна была быть лояльность Фридриха. Единственным местным правителем, которого он знал, была последняя настоятельница, а он был протестантом. Германии не существовало; прусские солдаты были почти такими же чужими, как парижане. Соседи Круппа, по-видимому, склонялись к тому, чтобы придерживаться принципа «кто старое помянет, тому глаз вон», а прусские офицеры проявляли терпимость. Круппу было даже разрешено остаться в городском правительстве.

Но что сделано, то сделано. Глупость обошлась дорого. Рытье окопов не позволяло Круппу вернуться в магазин. А Наполеон больше был не в состоянии вознаграждать удачливого молодого производителя стали. Экспортом на континент опять занялся Шеффилд. В торговле бывают времена, когда надо впадать в спячку, и такая пора настала. Единственным разумным курсом для Фридриха было бы отложить работы на литейном предприятии, перевести служащих на половину оплаты и зажечь запоздалые свечи над своим письменным столом в доме у льняного рынка по крайней мере до тех пор, пока династия Круппов не будет приведена в порядок. Он поступил как раз наоборот. Идея литья стали начала преображаться; теперь она превратилась в одержимость, сверкающий сосуд с золотом, и Фридрих был полон решимости преследовать цель, даже если эта погоня будет стоить ему и жизни, и фортуны, что в конце концов и произошло.

Родственники его встревожились. Металлургический завод уже обошелся в 40 тысяч талеров. И отец его жены, и муж сестры, знакомые со здоровой деловой практикой, были в ужасе от такого расточительства. Дело не только в том, что водяное колесо металлургического завода продолжало вращаться; Крупп набирал новых людей. Хуже того, он их баловал. Еще в 1813 году двое рабочих по имени Стубер и Шурфельд получили выплаты по болезни, а 9 января 1814 года Крупп заплатил два талера эссенскому врачу за то, что он сделал получившему травму рабочему кровопускание, растирку спиртом, клизму и вдувание «воздуха в легкие через рот». Такая забота о благосостоянии сотрудников считалась тогда грандиозным жестом в духе «положение обязывает»; молодой промышленник, следуя примеру феодальной аристократии, оказывал здесь услугу себе самому. На самом деле этот прецедент стал одним из твердых вкладов Фридриха в концерн, который он создал, и в нацию, которую начнет ковать Бисмарк с помощью крупповской стали. Родственникам же это казалось актом безответственного расточительства. Шесть месяцев спустя после сложения Наполеоном полномочий в Фонтенбло был создан семейный совет. Фридрих капитулировал. Скорее импульсивно, нежели решительно он внял совету старших: пообещал больше не иметь дела со сталью. Водяное колесо со скрипом остановилось, воинственные братья щелкнули каблуками и удалились в забвение. Завод по производству литой стали был закрыт.

Но только на несколько месяцев. В марте следующего года, когда император с помпой вернулся с Эльбы, бывший галльский адъютант возродил свои мечты о славе. Набрасывая планы создания нового завода с шестьюдесятью вагранками, он обменял на наличные деньги имущество стоимостью в 10 тысяч талеров и договорился об условиях займа – одного из многих у «еврея Моисея». Его венчурный капитал уменьшается; зыбкий песок катастрофы начал прилипать к ногам. Модель первого рискованного начинания повторяется. Даже появляется прусский офицер, капитан Фридрих Николаи, с мандатом, свидетельствующим о том, что он является экспертом по «любого вида машинам». Как и его предшественники, он вступает в партнерство с Круппом, и, подобно им же, его будут обвинять в низком интриганстве. Двадцать лет спустя сын Фридриха потребовал от правительства возмещения убытков на том основании, что Николаи, хотя и был человеком невежественным, распространил государственный «патент на тигельное производство стали». Конечно же не было никакого такого патента и быть не могло. Капитан, возможно, и знал что-то о литье; он мог быть и просто несерьезным солдатом промышленной удачи, ищущим легкой добычи, каким, безусловно, был и Крупп. В любом случае результат не меняется. Шел период проб и ошибок в производстве стали на континенте; никто из этого поколения не собирался слишком сильно обгонять англичан. Надежды Фридриха были еще раз развеяны. Опять собрались старшие, опять был закрыт завод; и опять его основатель, лишившись своего последнего партнера, пополз назад разжигать огонь.

В конце 1816 года он выпустил свою первую сталь. Прошло пять душераздирающих лет – и самое лучшее, что он мог делать, это сравняться с выходом продукции в объеме плавильных печей на холмах; когда работы на них были закончены, эти крохотные болванки продава-

лись для изготовления напильников, которыми пользовались дубильщики в соседних городках Рура. По миллиметрам продвигаясь вперед, он продавал Берлину штыки и выполнил несколько заказов на изготовление инструментов и пресс-форм. Пресс-формы были хороши; 19 ноября 1817 года Дюссельдорфский монетный двор в ответ на его просьбу о выдаче свидетельств согласился, что из всей выполнявшейся для него работы работа «герра Фридриха Круппа из Эссена является самой лучшей». Трудность заключалась в том, что он не мог производить достаточно продукции, чтобы свести баланс в своих учетных книгах. Metallургический завод, несмотря на то что он отнимал огромную часть его состояния, по-прежнему оставался на уровне деревенской кузницы. Решение Фридриха было в его характере. Хотя он еще не справился с проблемой основного литейного процесса, его разум уже устремился вперед в направлении сложных сплавов меди. Существующий завод не годится для такого рода выплавки, поэтому он построит новый завод с 800-фунтовым молотом. Место, которое он выбрал, находилось на берегу небольшой эссенской речушки Берне, в десяти минутах ходьбы от городской стены, там, где сейчас находится Альтендорферштрассе. В наши дни Берне протекает под землей в квартале к северу от Альтендорферштрассе, а тогда она текла прямо к Руру и в 1818 году стала, как остается и поныне, сердцем «Фрид. Крупп из Эссена». Когда в августе 1819 года работы завершились, владелец был доволен. Он был уверен, что это его спасет. Он вложит в этот завод – да так он и сделал – свой последний талер. У фабрики, длинного, узкого одноэтажного здания, было десять дверей, сорок восемь окон, одиннадцать дымоходов и вентиляторов и – на бумаге – мощность, позволявшая выпускать по 100 фунтов ковального железа в день. Она стояла лицом к городу и была, как радовался новый владелец, «красивой и дорогой».

Это было его окончательной гибелью. Поразительно, что в его тщательно разработанных планах не учитывался известный факт: Берне была прерывистым, ненадежным, крайне капризным потоком, и когда уровень падал, то, естественно, останавливалось и водяное колесо. В первый же год стояла долгая засуха. Фридрих никак не мог поймать своего доброго часа. Он терпел неудачу в третий раз, и уже не оставалось спасательных тросов. Он их отчаянно искал. Как из открытой раны, от него уходили последние остатки состояния его бабушки, и в отчаянной попытке остановить кровотечение он обращается к правительству. К какому именно правительству, не имеет большого значения; он просто хотел патрона. Дважды он предлагал Санкт-Петербургу создать частично финансируемое государством литейное предприятие в России, направил три прошения о субсидиях в Берлин. Последнее отправлено в 1823 году. Как и все другие, оно было отклонено, и Фридрих оказался покинут в последней агонии. Фабрика разваливалась – буквально разваливалась, вагранки трескались, и по всему полу хлестал горячий металл. Опять наступила засуха. Высохший ручей посадил его на мель, водяное колесо оказалось бесполезным; с таким же успехом он мог бы оставаться и в старой каморке, если не считать того, что она ему больше не принадлежала. В апреле 1824 года великий дом на площади у льняного рынка, напоминание всему Эссену о том, что одна семья торговцев на протяжении двухсот тридцати шести лет справлялась с превратностями судьбы, ушел из его рук. Новым владельцем стал его тесть. Родство – это очень хорошо, но бизнес есть бизнес, а Фридрих занял у герра Вильгельми 18 125 талеров. Старик обратился в суд, потребовал судебного решения, и в качестве компенсации ему присудили усадьбу.

Крупп лишился символа положения в обществе. У него не было крыши над головой, и поэтому он перевез Терезу и четверых детей в коттедж рядом с фабрикой. Другим он объяснял: «Так мне удобнее наблюдать за работой на фабрике. А кроме того, мне нужен деревенский воздух».

Друзей обмануть не удалось. Его новый дом представлял собой хижину. Первоначально он предназначался для фабричного прораба, но в нем едва хватало места для деятельного холостяка. Квадратный, наполовину деревянный, с зелеными ставнями, украшенными резным орнаментом в форме сердечек, этот коттедж обладал определенной домашней привлекатель-

ностью и позднее, когда величайший из Круппов назвал его своим «родовым гнездом», он стал знаменит на всю Германию. (Разрушенный бомбежками в 1944 году, коттедж был перестроен, в нем сохранилось многое из первоначальной мебели. Он находится как раз около офиса, который занимал Альфрид Крупп.) Когда же семья въехала в него, его очарование меньше бросалось в глаза. Прихожая была размером с клозет, три комнаты внизу, в которых размещались Фридрих и его жена, были не намного больше. Все ели в кухне у железной плиты – единственного источника тепла. По одну сторону от плиты находилась пара толстенных, вручную тесаных бревен, о которые Фридрих сбрасывал свои туфли, когда направлялся на завод. По другую сторону шла узкая лестница на верхний этаж, где под низкими карнизами размещалось на убогих ложах следующее поколение Круппов: Ида, пятнадцать лет, Альфред, двенадцать, Герман, десять, и Фриц, четыре года.

Потеряв дом у льняного рынка, их отец, по-видимому, спасовал. Он был вынужден уйти в отставку со своего поста в правительстве города, и его имя было вычеркнуто из налогового списка Эссена, что для купца считалось наибольшим позором. Ему были нужны 25 тысяч талеров для закупки необходимого оборудования, 10 тысяч он был должен кредиторам, и он передал дела некоему герру Гревелю, бухгалтеру, который продолжал выполнять обязательства, выплачивая на литейном заводе заработную плату за счет ликвидации недвижимого имущества Круппа. Согласно одной из версий, Гревелю пришлось вызывать Фридриха из таверны для подписания документов о передаче, но это, возможно, злонамеренная сплетня. Осень 1824 года застала его прикованным к кровати. Нам известно, что на протяжении двух лет он, глядя в потолок, лежал в комнате рядом с кухней, разбитый человек, размышляющий о своем унижении. На бревнах собиралась пыль. Птицы вили гнезда на неработающем водяном колесе, тигли разваливались, не имеющие работы люди бездельничали. Над заводом нависло что-то нереальное. После Ватерлоо Эссен стал до неистовства прусским, где-то в других местах долины люди упорно и беспрестанно трудились, подгоняемые острым чувством северогерманской совести. Здесь же царило только тихое отчаяние. Страдания Фридриха продолжались в течение двух лет. В воскресенье, 8 октября 1826 года, он спокойно повернулся лицом в соломенного цвета подушку и умер. Ему было всего тридцать девять лет. Доктор сказал Терезе, что ее муж скончался от «грудной водянки». Три дня спустя растерянные родственники вдовы собрались в передней комнате и вынесли простой гроб на семейное кладбище неподалеку от льняного рынка. Проложив этот тяжелый путь, участники траурной церемонии не сомневались в том, что они становятся свидетелями конца династии, что вместе с Фридрихом они хоронят его мечту. Но были некоторые слабые предзнаменования. Поскольку французы ликвидировали плату за пользование Руром, движение судов по реке с каждым годом становилось все более прибыльным. За несколько недель до похорон первый в Руре локомотив совершил свой начальный рейс, волоча за собой приземистые вагоны, доверху груженные углем. Более обнадеживающим, чем любое из этих событий, было, однако, поведение старшего сына покойного. Выражение лица нового главы семейства было каким угодно, но только не похоронным. Неловкий и нервный, грубый, торопливый, с видом почти невыносимого напряжения, он едва мог дождаться, пока закончатся похороны. Он хотел одного: опять вернуться на фабрику.

Глава 2

Наковальня была его письменным столом

В напыщенной истории капитализма XIX века найдется немного более драматических эпизодов, нежели прибытие в тот день на завод Альфреда Круппа. Там были все компоненты высокой театральности: горящая вдова, беспомощные младшие дети, свежее лицо юноши, поднявшегося на защиту чести семьи. Пройдет еще столетие с четвертью, прежде чем другой, худощавый и жаждущий, Крупп предстанет миру в безвыходном положении. Даже чужеземцев впечатляет притягательность той сцены в 1826 году, для немцев же она неотразима, как для ребенка искушение валяться в грязи. А после того, как герой стал национальной фигурой, и рассказы о нем стали позолоченными и помпезными. Невозможно преувеличить воздействие этой легенды на немецкий народ; на протяжении большей части столетия школьников рейха учили с восхищением относиться к подвигу молодого Альфреда, преклоняясь перед отважным юношей, который непонятно как ухитрился вырвать пламя из холодных челюстей засиженного мухами металлургического завода. (Такое воспитание продолжается и поныне с использованием книги Бернарда Войшника «Альфريد Крупп, большая сталь», 1957 г.)

Никто не решится портить памятники. Тем не менее, события выглядели не совсем так. Внешне в первый день не случилось ничего особенного. На фабрике к Альфреду подошли семеро сердитых рабочих – пять операторов плавильных печей и двое кузнецов, – но не в его силах было помочь им накормить семьи. Как наследница своего мужа, Тереза могла претендовать на жалкое наследство: этот завод; дом стоимостью в 750 талеров; кое-какое заложенное имущество в городе; одну корову и несколько свиней. Для быстрой перемены в положении семьи требовалось чудо, а Альфред еще не в состоянии творить чудеса. Ему всего четырнадцать лет.

Но это необычный мальчик. Долговязый, худой как щепка, с высоким костистым черепом и тонкими ногами, он обладал той особой силой воли, которая часто бывает присуща людям с редкими внешними данными. Легко ранимый, гордый, подверженный неистовым скрытым порывам, он наблюдал за трагическим угасанием отца с растущим чувством крушения надежд. Память об этом разбитом человеке, пластом лежавшем в доме, пока все рушилось, сохранится в нем навсегда и будет ясно возвращаться к нему во времена опасности. Физически Альфред был похож на мать, но поведением скорее напоминал отца. Как и Фридрих, он проявлял свою пламенную натуру, но, к счастью для него, в сменившейся эпохе это было приемлемо. Фридрих полагал, что правительство Пруссии было обязано поддержать его завод; то же самое и Альфред. В свои ученические годы в бизнесе отец служил управляющим у своей бабушки; сын делал то же самое у своей матери. И оба они отвечали на кризисы тем, что прятались. Примечательно, что, когда на фабрике дела шли плохо – и самых хитрых предпринимателей на «русских горках» Адама Смита начинало мутить, – Альфред убегал домой, запирали дверь, ложился и порой лежал неделями. Из инертности своего отца он вынес урок, что за дверью спальни – прекрасное убежище.

Да, Альфред был сыном своих родителей, но не их точной копией. Он был по-настоящему не похож на других – неутомимый, сообразительный, полный воображения, раздражительный, дальновидный и, несмотря на чужаковатость, в высшей степени практичный. Он подходит очень близко к заезженному персонажу викторианских времен, к безумному гению. Раз уж он не сошел с ума, то был, безусловно, хитер. Даже в молодом возрасте у него проявлялись странные особенности и фобии, которые потом приводили в восторг европейские столицы. Работая среди потоков пламени, он до ужаса боялся огня. Его интриговали запахи; он считал, что некоторые из них сулят удачу, а некоторые – зло. Лошадиный навоз, с точки зрения Аль-

фреда, обладал особенно обогащающим запахом. Он полагал, что этот аромат вдохновляет, делает его созидательным. На свою беду, он был убежден в том, что его собственные запахи токсичны, и поэтому старался больше двигаться, убегая от них. Днем все было прекрасно. Но засыпать ночью было не так просто, и в результате – хроническая бессонница, которая подорвала бы здоровье у кого угодно. Альфреду же она помогла выжимать из суток максимальный эффект. Этот человек был таким сгустком невротических причуд, что они, казалось, подкрепляют одна другую. Например, по ночам он вел деловые записи. Испытывая навязчивое влечение к письму – до наших дней дошло более тридцати тысяч его писем и записок, – он приучил себя корябать в темноте, скрючившись и потев под пуховым одеялом. После того как рассвет выгонял его рабочих из постели, они находили у себя на скамьях каракули Круппа, содержавшие похвалу или насмешки. Его энергия вызывала у них удивление. Для нас же более удивительным представляется то, что он продолжал это делать на протяжении более пятидесяти лет и ни разу не попал в больницу.

Большие таланты Альфреда проявлялись медленнее; прогресс тормозился вялыми темпами индустриальной революции в Германии. Тем не менее, он был молодым человеком, явно подающим надежды. 26 ноября 1825 года его учитель в Эссене послал Фридриху отчет с написанным красными чернилами комментарием: «Я должен во всех отношениях выразить восхищение, особенно его успехами в математике. Ему следует продолжать в том же духе, и я уверен, что мы будем им довольны». Альфред не смог продолжать. До того как пришла пора снова выставять оценки, его исключили из школы. Домашние неприятности положили конец его официальному образованию; впоследствии, как он писал, «не было времени для чтения, занятия политикой и подобного рода вещей... Моим письменным столом стала наковальня». Он пошел на это сознательно. Проявляя исключительную скрупулезность, которой так явно не хватало отцу, он выучился мастерству кузнеца. Еще до того, как ему исполнится двадцать лет, он будет производить высококачественную сталь. Он учится «чувству» виртуоза, пониманию того, что «при выработке стали и ее закаливании необходим лишь тускло мерцающий огонь, что при таком огне она становится столь же твердой, как английская при намного более высокой температуре». Но этот опыт – только начало. Первичным секретом была высокая требовательность к себе и другим. Разработанный Альфредом вариант шеффилдского процесса состоял в том, чтобы варить металл в 6-фунтовых графитных горшках, а затем сливать их содержимое вместе. Один неверный шаг – и все: сталь превращалась в чугун. Будучи первым Круппом, который родился в Пруссии, он потребовал от своих литейщиков военной дисциплины, а поскольку его привычка по пустякам впадать в истерики была всем известна и неприятна, на этом воспитывался и он сам.

Итак, крупповская сталь явилась продуктом характера Альфреда. Его трудное испытание началось в вечер похорон, когда он покинул безмолвную фабрику и присоединился к своей скорбящей семье в коттедже, в котором, как он позднее вспоминал, «отец безуспешно приносил в жертву производству литой стали значительное состояние и, кроме того, весь свой запас жизненных сил и здоровья». Альфред запомнит свое детство как время «страданий и горя». Теперь же, с началом зрелости, ему приходится «днем, как отцу, заботиться о семье вдобавок к тяжелой работе на фабрике, а по вечерам учиться преодолевать возникающие на пути трудности». Он существует «на хлебе и картошке, хлебе и кофе и скудных порциях мяса». Главное его воспоминание о том периоде жизни – растущая опасность полного краха и собственные страдания, выносливость и тяжелый труд, чтобы предотвратить катастрофу; вспоминает он и сотни бессонных ночей, когда серым от усталости лежал «на чердаке в страхе и трепетном беспокойстве и с очень малыми надеждами на будущее». Почти все ему приходилось делать самому: «Сорок лет назад появление трещин в тигле означало банкротство... В те дни мы жили по принципу из руки в рот. Все просто обязано было получаться... Я сам работал в каче-

стве клерка, составителя писем, кассира, кузнеца, оператора плавильных печей, дробильщика кокса, ночного надзирателя на продувочной печи и брался за многие другие работы».

За этими строками видна тень первобытного ужаса. «Надо было добиваться успеха во всем. Все просто обязано было получаться». Почему? При тех обстоятельствах не было бы никакого позора в случае неудачи. Его отец основательно все испортил. Если спасти нечего, то в этом нет вины мальчишки. Но не таким образом все было представлено Альфреду. Ни одна женщина не признается с радостью в том, что вышла замуж за болвана. В своей слепой преданности его мать отказывалась смотреть в глаза неловкой правде о своем муже. Тереза Крупп внесла эмоциональный вклад в репутацию Фридриха; она хотела ее защитить. Упрямая и по-прежнему невежественная, она, тем не менее, научилась писать письма, и не успел на могиле появиться надгробный памятник, как она объявила, что «бизнес не пострадает ни в коей мере, потому что мой муж принял меры предосторожности и научил моего старшего сына секретной формуле изготовления литой стали».

Таким образом, ответственность передавалась непосредственно Альфреду. Конечно, это было абсурдно. Однако этого не мог понять молодой парнишка. Он смотрел на своего отца сквозь призму материнской веры. Однажды, сказала она сыну, он был на заводе вместе с Фридрихом. Очевидно, там ему и была раскрыта тайна экзотического процесса. Он отчаянно рылся в памяти, отделяя одно от другого беспорядочные впечатления, запах рабочих скамеек, пытаясь вспомнить, что сказал ему знакомый хрипловатый голос. Бесполезно. Каким же он был дураком, что не обратил на это внимания. А теперь он попал в страшный переpleт: он должен либо вновь открыть секрет и выполнить обещание матери, либо навлечь на себя проклятия.

Будучи невиновным в этом жестоком обмане, он добавил ко лжи матери и другую ложь. На той же неделе он написал в Берлинский монетный двор, что на протяжении некоторого времени руководит фабрикой и что «спрос купцов, монетных дворов и т. д. на тигельную сталь, которую я производил в последний год, возрастает до такой степени, что мы часто не можем выпустить ее столько, сколько получаем заказов». Он заманивал клиентов. На эту приманку клюнули немногие – к счастью для него, потому что он был не в состоянии удовлетворить их. Дюссельдорфский монетный двор поддался на уловку. Он заказал три сотни фунтов, а затем был вынужден отвергать одну поставку за другой. «То, что тигельная сталь, которая в последний раз была вам отправлена, вновь плохо себя проявила, для меня неприятно так же, как и удивительно, – в муках написал он владельцу двора, добавив: – Поэтому прошу вас провести с ней еще одну пробу». В то же время он упорно нащупывал пути к выпуску безупречной стали, пользуясь небольшими средствами матери. Проявив беззаботную щедрость, Фридрих передал эссенский дом местному чиновнику. Альфред скоренько выгнал незаконно поселившегося в доме человека, а приведенный в ярость бывший жилец написал Терезе: «Вряд ли останки отца могут покоиться в мире, когда его четырнадцатилетний сын осмеливается повелевать одному из его старейших друзей!» Мать поддержала Альфреда – с учетом всего это было самое меньшее, что она могла сделать, – и он вернулся на завод в надежде, что сможет ухитриться выжать из литейного предприятия достаточно стали товарного качества, чтобы содержать семью из пяти человек да еще и продолжать платить зарплату.

На протяжении трех лет измученный, полуголодный юноша до захода солнца гонял своих операторов плавильных печей, после этого сосредоточенно изучал лист бумаги, на котором были записаны призрачные мечты Фридриха, тайны металлургии. Численность рабочей силы у него сократилась до шести человек, потом до пяти. Возможно, это было мерой вынужденной экономии, возможно, просто ушли два пессимиста, мы сказать не беремся. Собирая остатки инструментальной стали из плавильной печи, выковыывая из них мездры и сапожные ножи, заманивая в Эссен владельцев монетных дворов и инструментальщиков-кузнецов для бесполезных переговоров о продажах, он напрасно продолжал ждать большого прорыва. Два препятствия казались непреодолимыми. Английские коммивояжеры наводняли континент, демон-

стрируя свое превосходство. И каждый раз, когда Альфред получал заказ и мобилизовывал полдюжины крупповцев на его выполнение, подводил недостаток мощности.

Берне по-прежнему оставалась несносной речушкой. В лучшем случае она была непредсказуемым ручьем, вяло омывающим лопасти колеса завода; в худшем – полностью останавливала завод, что бросало хозяина в дрожь. Сначала Альфред думал, что в верхнем течении, должно быть, находится какая-то преграда. Он написал бургомистру Борбека, который был тогда небольшой деревушкой сразу же к северу от Эссена, и попросил его проконсультироваться с лесником «относительно метода расчистки моего приводного потока». Это было не так просто. После периода сырой погоды взбалмошный ручей мог полностью изменить свое настроение, превращаясь в шумный стремительный поток и грозя снести завод. Однажды Альфреду пришлось извиняться перед покупателем, так как «после очень сильного дождя вода здесь поднялась до такого уровня, что расположенные у реки заводские помещения совсем не работают, и в результате этого я, к сожалению, не могу в обещанное время произвести отправки по вашим запросам». Потом русло потока опять пересыхает, и гравера Сардинского королевского монетного двора со скорбью извещают о том, что кузница остановлена из-за «отсутствия воды». Следующей осенью Вулкан был беспомощен так долго, что молодой Крупп обратился на Прусскую королевскую фабрику вооружений с отчаянной просьбой разрешить использовать ее кузницу для выполнения неотложных заказов. То была старая песня: «Этим летом мой молот почти не действует из-за отсутствия воды... Я не в состоянии производить даже приблизительные объемы того, что мне заказывают».

У немецких оружейников не было времени на то, чтобы возиться с дерзким щенком по имени Крупп, и его подвергли необычайному унижению: заставили взять в аренду наковальню в «Гютехоффнунгсхютте», которой когда-то владела его прабабушка. Альфред был в ярости на свое правительство. В шестнадцать лет он жаловался на «все еще господствующую предвзятость, в результате которой английской продукции приписывается такое превосходство», и предлагал властям: «Поскольку прусское государство заботится о дальнейшем росте внутреннего производства, я смею просить о том, чтобы государство сотрудничало в обеспечении успеха этой одинокой прусской фабрики по производству тигельной стали, которая государству так необходима». Но Прусское государство думало совсем не так. Когда Тереза по настоянию своего сына попросила у короля Фридриха-Вильгельма беспроцентный заем на двенадцать лет в размере 15 тысяч талеров, финансовое ведомство тактично сообщило ей об отсутствии средств. Берлин, как и раньше, не хотел раздавать милостыни.

Однако в отношении торговли правительство не было настолько слепым, как полагал Крупп. С 1819 года Пруссия потихоньку расширяла Цолльверейн, Германский таможенный союз. По сути дела, это был общий рынок, первый шаг в направлении воссоединения рейха, и 1 января 1834 года его первые творцы достигли соглашения с тридцатью шестью тевтонскими государствами. Все пошлины внутри союза были упразднены. С экономической точки зрения путем пакта создавалась единая нация, состоящая из 30 миллионов немцев, и положение Альфреда давало прекрасную возможность этим воспользоваться. Конечно, его заявление о том, что он готов обеспечить все потребности Цолльверейна в литой стали (миллион фунтов в год), представляло собой нелепый пример крупповского апломба; тем не менее, карьера начинала идти в гору. 27 января 1830 года он взволнованно сообщил одному из друзей: «Я только что добился важного успеха в создании полностью поддающейся сварке тигельной стали, которую, как и любую сталь, можно сваривать с железом обычным способом при сварочной температуре. Эксперименты на предмет ее использования для изготовления самых тяжелых кувалд, а также мелких режущих инструментов закончились полным успехом, столярные стамески из нее исключительно хорошо режут, а молоты обладают очень высокой степенью прочности».

Такой стали, конечно, был всего один тигель, но это была настоящая вещь. В тот год он впервые достиг безубыточности, и, несмотря на безразличие Берлина, фирма имела новый

капитал; Фриц фон Мюллер, сын его тетушки Хелен, дал ему ссуду на 10 000 талеров. Брат Герман, которому было уже двадцать лет, присоединился к Альфреду на сталелитейном заводе, освободив ему время, чтобы он смог подготовить еще пять рурских фермеров в качестве крупповцев. Самое же важное состоит в том, что у Круппа, наконец, появилось нечто достойное продажи. Разрабатывая все более грандиозные планы, он сконцентрировал внимание на производстве небольших слитков определенных спецификаций. Работа его была безупречна (в 1960-х годах автор этих строк проверял старый валок для золота, который Альфред сделал для американских господ Альвес де Суса и Сильва из Португалии в 1830 году, и нашел его в прекрасном состоянии после столетия с четвертью пользования), и в марте 1834 года Альфред запаковал ящик образцов валков и отправился в поездку по новым центрам рынка – во Франкфурт, Штуттгарт, Мюнхен, Лейпциг, Берлин. Три месяца спустя он поскакал назад с полными карманами заказов. «Фрид. Крупп из Эссена», которой исполнилось почти четверть столетия, наконец-то стала кредитоспособной. Он сразу же нанял двух комиссионеров и удвоил усилия в рамках своей программы обучения. Число крупповцев подскочило с одиннадцати до тридцати, а потом, неожиданным рывком, до шестидесяти семи. Альфред в пять раз увеличил свой уровень продажи стали доцолльверейнских времен. В конфиденциальном письме в декабре того года он утверждал: «Прошедший год был настолько благоприятным, что вселил решимость продолжать работать, несмотря на все жертвы».

Письмо было конфиденциальным потому, что он опять просил у правительства деньги. Фирма еще не вышла на широкую дорогу процветания и не выйдет до тех пор, пока Альфред не станет упрямым, несдержанным, разрушительным, пока он не станет человеконенавистником. Чтение его переписки и прослеживание пути от молодого возраста к среднему – 1830-е, 1840-е и 1850-е годы – сравнимо с наблюдением за тем, как блуждает зверь в лабиринте. Он что-то находит. Но появляется так много тупиков, столько ложных надежд возникает и рушится, что обострение особенностей его характера едва ли может удивить. Например, летом он не раз оказывался перед лицом семейного кризиса. Погода бывала исключительно засушливой. Каждое утро он с беспокойством вставал, сползал вниз с верхнего этажа, чтобы взглянуть на ослепительное солнце, а потом обследовать высохший желоб под остановившимся колесом. Ясно, что было бесполезно заниматься бизнесом, если он не мог производить товары. Так же ясно было и то, что нельзя быть зависимым от Берне. Ручей слишком ненадежен. Решение было только одно. Необходим паровой двигатель.

А кто в Руре производил новые паровые молоты? «Гютехоффнунгсхютте». Ему опять было надо испить эту горькую чашу. Ему также надо было платить за привилегию, и именно поэтому он возобновлял свои попытки выбить деньги из прижимистого казначейства. Он потерпел неудачу – и терпел ее и в 1835-м, и в 1836 годах, – и, поскольку его отец разрушил и репутацию фирмы, и ее финансовое положение, он тоже затих. В тот год на Рождество кузен фон Мюллер согласился гарантировать его подпись. Наступившей весной на фабрике был установлен молот мощностью в 20 лошадиных сил. Это была неважная машина. Согласно его записям, клапаны протекали, амортизаторы не подходили, поршень требовал постоянной переборки, вдобавок Альфред не мог позволить себе купить трубы, так что они с Германом были вынуждены создать бригады людей с ведрами, чтобы заполнять цистерны. Но так или иначе, а молот работал. Над Эссеном появилась первая слабая струйка пара. Торговые представители Круппа время от времени находили клиентов в Афинах, Санкт-Петербурге, во Фландрии и в Швейцарии; и сам Альфред, рысью промчавшийся по Дюссельдорфскому монетному двору, получил заверения в том, что старые раны залечены. Дела улучшались. С некоторой долей справедливости он мог рекламировать себя как одного из самых обещающих людей в Эссене или даже в Руре. Однако Альфред никогда не преуменьшал свои перспективы. В письме прусскому консулу в Христиании (который никогда и не слышал о нем) он хвастался: «Хорошо

известно, что мой завод, созданный двадцать лет назад и сейчас процветающий, является единственным на континенте предприятием такого рода».

* * *

Это было больше чем зазнайство. Но тактика исключительно прозорливая. Повторяемое бесконечно стало восприниматься как факт задолго до того, как превратилось в действительность. Это было большой ложью, рассказываемой за столетие до того, как ее техникой овладел Берлин. В сущности, те крупповцы, которые утверждают, что Альфред был первым современным германским лидером, имеют для этого веские основания, хотя в их рассуждениях, возможно, есть перекокс. Они видят в нем сильного человека. Сила его была очевидна, но зрелость вызвала сомнения. Выросший в условиях неуверенности и нестабильности, он стал высокомерным, отчужденным, двуликим, наподобие Януса, жалеющим себя во времена неприятностей, мстительным, когда одерживал триумф, загадкой для других и для самого себя. Его подозрительность граничила с паранойей – в те годы он начал требовать от своих рабочих клятвы на верность, а двери в закалочном и шлифовальном цехах были для надежности заперты. Эффективность была для него фетишем. Методы его удивительны, но когда он делал какую-нибудь работу, она выполнялась правильно.

В прошлом немец являлся образцом *Gemütlichkeit* – непоколебимого добродушия, грубый и веселый ценитель тяжелой пищи, который после продолжительной трапезы, расстегнувшись, лежал, рыгал и хихикал, его крупное, бесцветное, обвисшее лицо было покрыто веселыми морщинками, на кончике носа примостились поблескивающие очки. Альфред смотрел на все это с холодным презрением; он открыто восставал против прошлого Пруссии. У него была маниакальная преданность работе, которую однажды начнут превозносить как отличительную черту нации, находящуюся у нее на службе, этакое почти чувственное наслаждение, которое он испытывал от технических инструментов и шаблонов. Когда он писал о превосходной стали, он мог впасть в лирику: она «должна быть тонковолокнистой – не кристаллической – и, более того, с металлическим блеском – не такой, как сталь в своем большинстве, чернотой и тусклой на изломе, но очень приятной и твердой как в холодном, так и раскаленном состоянии». Именно его приверженностью качеству отчасти объяснялось его письмо консулу в Скандинавии. Он узнал кое-что о химии, в том числе то, что шведское железо, в отличие от прусского, было фактически без примесей фосфора. На тот момент эта информация была бесполезна, потому что шведов нельзя было беспокоить мизерными заказами. Тем не менее, подгоняемый новым стимулом, он продолжал упорствовать. В прошлом только ювелиры, мастера золотых и серебряных дел да часовщики проявляли интерес к его твердым, жестким слиткам. Теперь слитки должны стать еще более твердыми и жесткими, чем когда-либо, потому что фабрика нашла для них новое применение.

Его открывал Герман, но при таком лидере, как Альфред, это было несущественно. Несмотря на свою приверженность индустриализации, выходящий на сцену немец во многих отношениях обладал чертами первоначальных тевтонских племен. Являясь человеком непрекаемого авторитета, он требовал солдатского повиновения от членов своей собственной семьи – даже если при этом игнорировались нормы общего права Пруссии. В соответствии со своими правами брат Альфреда должен был получить определенное признание за первое настоящее изобретение фирмы. На протяжении многих поколений ложки и вилки изготавливались путем штамповки заготовок из металла и их окончательной обработки вручную. Однажды днем Герман рассматривал бракованный слиток. Соединяя его со скрапом – отходами металлургического производства, – он заметил очевидное: то, что слиток создавал идентичные вмятины в каждом куске скрапа, и после этого пришел к блестящему выводу: чем были вилки и ложки, кроме как полосками металла с рассчитанными несовершенствами? Эксперименти-

руя в углу цеха, он выгравировал образцы на слитках. В результате ручной прокатный стан он использовал для того, чтобы сделать превосходные столовые приборы. Пришел Альфред, все увидел и конфисковал; он присвоил эту инновацию себе и начал пользоваться ею со всей своей неистощимой энергией, тогда как Герман покорно это принял.

Летом 1838 года Альфред упаковал свой небольшой чемоданчик. Целый год он планировал поездку за границу и теперь был к ней готов. Причины были разными. Одна из них – торговля слитками. Другая – любопытство. Разъездной агент Круппа в Нидерландах, Бельгии, Люксембурге и Франции приезжал со странными сообщениями не только о больших рынках, но и о расплывающихся фабриках, почти невидимых в дыму от своих кипящих котлов. Для человека, который находился в изоляции из-за бедности и необходимости экономно жить в Пруссии начала XIX века, такие чудеса были поразительны; Альфреду требовалось увидеть это своими глазами. Время было подходящим для поездки. Работы хватало, чтобы семьдесят крупновцев занимались делом. Возникали пристройки, в карликовом виде повторявшие первоначальное здание. Поршень парового молота был собран и усердно колотил. Герман стал опытным мастером; Фрицу, парню болезненному, носящему очки, было уже почти двадцать лет – возраст достаточный, чтобы вести бухгалтерский учет и время от времени проверять образцы; Ида могла помогать матери в домашнем хозяйстве. Однако из всего этого самым важным было страстное желание Альфреда увидеть Англию. Начинало пробуждаться любопытное раздвоение чувств, которым в XX веке отметят отношение Германии к Англии. Пройдет еще восемьдесят лет, прежде чем отправленный в ссылку кайзер Вильгельм II по прибытии в Голландию попросит «чашку настоящего горячего, крепкого английского чая», и девяносто лет до того, как сыновья Круппа начнут посещать Оксфорд, но англофилия, которая позднее охватила аристократию его страны, была уже очевидна в Альфреде. Есть одно отличие. Его наследники восхищались английским высшим классом. Альфреда же привлекала техническая компетентность центральных английских графств – Мидлендса. Шеффилд, это магическое название со времен его детства, стал для него Меккой. Британцы не только начали индустриальную революцию; они по-прежнему были в ней лидерами – лидерами даже в Руре, где их инженеры, хорошо осведомленные о новых способах применения кокса, обучали немецких шахтеров тому, как копать шахты на глубину более 300 ярдов. Именно англичане монополизировали шведскую руду, англичане наводняли континент превосходной инструментальной сталью и закаленным прокатом. Очевидно, у Шеффилда еще были в запасе кое-какие секреты, и если единственным способом раскопать их было поехать туда, то едем в Шеффилд.

Но сначала – в Париж. При всей отчужденности британцы были немцам расовыми братьями и потому, вероятно, коварными. Прежде чем пересекать пролив, надо немножко поучиться. Французы были в меньшей мере спартаканцами. Они потакали своим желаниям, уделяли слишком много внимания сексу – все еще можно было слышать рассказываемые шепотом истории об оккупации великой армии, и дурной славой пользовалось их пристрастие – украшать своих вульгарных женщин дорогими безделушками. Короче, Париж жаждал дополнительных слитков. Когда Альфред уезжал из Эссена, это было для него нормальной позицией. Беда в том, что он и покинул Париж с точно такими же представлениями. Бульвары, арки, соборы, все очарование самого изумительного европейского города его абсолютно не тронули. Нельзя сказать, что ему не понравилось; просто это было не для него. Путешествия не могли расширить его кругозор, потому что он к этому был не способен. Деловые сообщения его торговых агентов подтвердились, а это было все, что его интересовало.

Поэтому в его письмах почти ничего не говорится о Франции. Однако, как обычно, они раскрывают многое о нем самом. То каллиграфическим почерком, то поспешными каракулями он информирует семью, с чем он там суетится. «Бог даст, – пишет он 8 июля, – я возьмусь за работу и увижу, что здесь можно сделать. Надо будет побывать у огромного числа промышленников, если можно доверять справочнику». (Справочник содержит точную информацию.

Он повсюду находит заказчиков.) «Сейчас я добавлю адреса заказчиков вместе с ценами и на этом закончу, потому что уже половина третьего, а я не поднимался с кресла с семи утра». Позднее в том же месяце он настроил: «При сем посылаю тебе новые заказы», «Со дня на день ожидаю подтверждения на 3 тысячи франков, еще о нескольких тысячах франков ведутся переговоры» и «Если бы мне не было абсолютно необходимо ехать в Англию для получения гораздо больших преимуществ... я бы легко мог получить в четыре раза больше заказов, чем уже есть сейчас». Далее идет рассказ Круппа о путешествии («Париж – это такое место, где умелый торговец из года в год будет находить, чем заниматься, если говорить обо всем том, что мы производим»); и потом опять к бизнесу: «В остающиеся три дня июля я сделаю эскиз машины, которая, возможно, будет стоить от 2 до 3 тысяч франков; я также думаю о каленых листах проката в 12, 10 и 8 дюймов; это не определено, но что-нибудь из этого получится».

Вслед за очаровательным парижским летом наступает приятное тепло. Альфреду не терпится выйти из своей комнаты, но не ради того, чтобы хорошо провести время: «Подумать только – надо заканчивать, потому что я пишу с четырех часов, а сейчас уже скоро полдень; из-за этого я потерял сегодня несколько заказов – я хотел сказать, посмотри, нет ли у слитков из старой стали, которая, как мне известно, тверда, тех же самых недостатков в твердости, и можно ли с ними будет справляться. Чтобы сталь была крепкой и твердой, тебе надо выдерживать правильное время плавки и не слишком высокую температуру...» И так далее декрещендо, глухо, деловые разговоры наряду с бесконечным шутовством. Вновь и вновь он напминает Штаммхаусу – родному дому, что он наносит от двадцати до тридцати визитов в день и не тратит попусту время даже тогда, когда гуляет в промежутках между деловыми встречами: «Я весь день делаю записи, останавливаюсь на улице по десять раз каждый час и записываю то, что мне приходит в голову». Даже постскрипумы у него пульсируют. «Исписал уже почти тридцать страниц. Хотелось бы надеяться, что я не повторялся, потому что за этим делом я уже потерял очень много времени». Или: «Сегодня утром я начертил эскиз прокатного стана стоимостью в 10 тысяч франков, которые должен буду выложить одному человеку; я не уверен, что этот эскиз будет принят, но уже надеваю ботинки и в своем следующем письме расскажу больше».

Этот человек одобрил эскиз. Если бы он этого не сделал, Альфреду впору застрелиться – так близок он к панике. Конечно, это преувеличение. Ничего подобного он бы не сделал. Он просто свалился и стонал, пока встревоженный служитель гостиницы не вызвал доктора. Один из эскизов был отвергнут, и кошмарные последствия этого описаны Герману и Фрицу в последующем послании. Дрожащей рукой Альфред писал: «... пять дней я не вставал с постели; у меня были ужаснейшие боли во всех конечностях, поэтому я не мог подняться, чтобы убрали постель; по всей спине у меня были наклеены пластыри, из носа шла кровь, болела голова, я не мог есть – короче, все неприятности, которые только придумал дьявол».

Если не считать таких отступлений, единственные эмоциональные струны, которые он затрагивает, – это тоска по дому («Пусть кто-нибудь – Ида уж во всяком случае, потому что больше никому, – напишет мне что-нибудь из Эссена о родных и друзьях. Я испытываю в этом потребность») и тайное подозрение о том, что в его отсутствие может быть какое-то мошенничество. «Даже если бы меня ждала невеста, я не мог бы торопиться больше», – пишет он о покрытом сажей металлургическом заводе. Но будет ли он в должном состоянии, чтобы встретить хозяина. Его преследуют мрачные мысли. Не использует ли Герман чересчур хрупкую сталь для более тонкого проката? Есть ли у него двойной запас клапанов для машины и этих чертовых помп? И как насчет строительства жилья? А крышки и затычки для вагранок? А глина для тиглей? Продолжая свои размышления, он вспоминает о ночном караульном. Можно ли доверять этому человеку? «Полагаю, нам надо бы иметь второго ночного караульного, чтобы он проверял первого, и третьего, чтобы следил за вторым». Он раздумывает и приходит к мрачному заключению: «В конце концов все трое будут спать. Никогда не знаешь, будут ли самые

строгие указания хотя бы приблизительно выполняться». Альфред не высказывает беспокойства в отношении честности сторожа. Никто не сможет прокрасться на фабрику, не говоря уж о том, чтобы утащить паровой молот. Тревога лежит глубже и касается самой страшной опасности: «Ты знаешь, как легко может возникнуть пожар, а огонь уничтожит все, все!»

Получив от Германа заверения, что фабрика по-прежнему на месте, Альфред продолжает свой путь в Англию. К октябрю он приезжает в Мидлендс, и там его поведение становится в высшей степени странным, просто невероятным. В его английских приключениях есть что-то почти чаплинское, хотя, читая его переписку, едва ли ожидаешь, что он напишет: «И тогда штаны у меня лопнули» или: «Сегодня какой-то мужчина швырнул мне в лицо пирог с кремом». Его темная цель состоит в промышленном шпионаже. Уезжая из Пруссии, он приобрел паспорт, выписанный на имя «А. Крап», что, как он полагает, звучит на английский манер, а в его багаже находится пара маленьких крючковатых шпор, признак джентльмена. У него есть союзник: Фридрих Генрих Штоллинг, милый эссенский купец с физиономией как у лягушки, праправнук Георга Дитриха Круппа. Из Парижа ему отправлялись загадочные письма; заговорщики должны встретиться в Ливерпуле и оттуда тайно проследовать в Шеффилд и Гулль. Так это и происходит. Два фиктивных джентльмена проверяют свои укрытия, надевают одежду для маскировки и двигаются в путь. Но пусть об этом расскажет сам Альфред: «Только вчера в пяти милях отсюда, где я гулял с Фрицем Штоллингом, я впервые увидел новый прокатный стан для медных листов, который работает еще совсем недавно и куда никого не пускают. Я был должным образом обут, при шпорах, и владелец был польщен тем, что пара таких хороших парней сообразовали осмотреть его предприятие».

Ура! Но был ли этот поход по-настоящему успешным? Увы, это просто фарс. Все, что Альфред узнал, это то, что хорошая сталь требует высокой квалификации и получается из хорошего железа, или как подчеркнул он: «От Брюнингхауса мы никогда не получим железа для выплавки такой стали, которая годилась бы для острых инструментов». Совершенно верно, но ему не надо было ехать в Шеффилд для выяснения того, что уже знал Герман; именно поэтому они пытались заполучить шведскую руду. И вылазка в любом случае была бессмысленной. Когда Альфред ее планировал, у него перед глазами стоял Мидлендс, каким он был целое поколение назад. К концу 1830-х годов принцип вагранок Хантсмана стал известен повсюду. Англичане знали об этом, и, если бы визитер приехал к ним с соблюдением правил приличия, они, несомненно, рассказали бы ему намного больше, чем он слышал, выдавая себя за кого-то другого. Я.А. Хенкель, который основал фабрику в Золингене, в то же самое время останавливался в Шеффилде. Он представился самим собой, и никто не молчал; он написал домой, что может обходить все прокатные станы «с десяти утра до десяти вечера».

Более того, если бы англичане захотели никуда не пускать Круппа, маскарад не спас бы его, потому что никого не мог обмануть. Представляя себя господами, и он и Штоллинг явно попадали в невыгодное положение. Ни один из них не говорил по-английски. Обнаружив, что это неловко, Альфред взял ускоренный курс языка, а тем временем украсил свою фальшивую историю рассказом о детстве на континенте и славянской внешности. В ту зиму он познакомился в Ливерпуле с прусским дипломатом Германом фон Муммом, который впоследствии охарактеризовал его как «молодого, очень высокого и стройного, казавшегося исхудавшим, но... интересного и привлекательного». Однажды Альфред отвел Мумма в сторону и поведал ему, что он путешествует под вымышленным именем. Это едва ли было новостью для его доверенного лица, друзей которого забавляла причуда долговязого чужака по всем случаям надевать шпоры; его уже весело окрестили «бароном». Мумм уже опознал в «бароне» человека из Эссена, который приехал, чтобы «попытаться собрать информацию об английских сталелитейных заводах». «Звать его, – добавлял он, – Крупп».

Крупп провел в Англии пять месяцев, не собрав никакой информации, которую он не мог бы получить дома. Поскольку он жил в стране, которая в то время была индустриальной

столицей Европы, он не мог рассчитывать на получение заказов. Кроме того, это сорвало бы с него прикрытие. Одиноким – Штоллинг вернулся в Рур, – он был принят в Ливерпуле семьей по фамилии Лайтбоди. Сорок лет спустя он написал, что дом Лайтбоди остается в его памяти как «божественное место», но в то время дом казался ему ужасной дырой, а сам он был нервной развалиной. В гостеприимстве Ливерпуля было одно удобство, которое позволяло ему питаться «менее чем за треть стоимости». Мысль о том, что «эта поездка стоит денег и пожирает немало годовых прибылей», продолжала его беспокоить. Вернулись и тревоги за фабрику. В Ливерпуле прошел ураган, несколько металлических колпаков были снесены с дымовых труб, и, валясь на чужую кровать, он вспоминал широкие, уродливые силуэты своих собственных любимых дымовых труб. «Надеюсь, ничего подобного не произошло там, – писал он Герману под стук ветра в окно. – Мне надо побеспокоиться о наших крышах». Это все, что он мог делать, – беспокоиться. У него ничего не получалось, оставалось лишь придумывать для Германа способы, как сэкономить деньги на почту: «Если ты будешь писать мне в Лондон на таком же листке, как этот, и снаружи напишешь «одноразовое», отправка такого письма будет стоить одноразовой почтовой платы; конечно, не должно быть никакого конверта. Небольшие эскизы и тому подобное всегда можно вложить, если ты сможешь сделать это так, что они не будут видны никому, кто захочет подсмотреть в письмо».

Это было мелочно со стороны Альфреда, недостойно человека, который рекламировал свой завод как единственный своего рода на континенте. В конце зимы он отказался от Мидлендса, как от пустого дела. Он потерпел поражение, и знал об этом. Но был далек от обиды, поскольку уже испытывал сохранившееся до конца жизни благоговение перед британцами. По его собственному признанию, он «ненавидел англичан до тех пор, пока не поехал и не встретил там таких добрых, искренних мужчин и женщин». Но мидлендская катастрофа для Альфреда не ограничилась деловой стороной. В середине марта у него появились подозрительные ощущения в горле. Вскоре последовали жалобы на головную боль, катар, астму, прострелы, необычные выделения. Появились судороги. В животе урчало, стали мучить запоры. Время от времени это усугублялось сыпью и приступами головокружения – то есть всеми хворями, за исключением писчей судороги. В следующем месяце, когда ему исполнилось двадцать семь лет, жизнь казалась Альфреду препротивной штукой. Не в состоянии вспомнить, когда у него в последний раз работал кишечник, он заперся в своей квартире с кишечным душем. «Я отмечаю дни рождения по-своему, – угрюмо писал он в тот вечер, – в прошлом году с лекарством от кашля, в этом – с клизмами».

* * *

Как-то утром, еще в Париже, его работа над письмом была прервана резкими, хлопаящими звуками на улице. В раздражении он подошел к окну, выглянул и – Святые небеса! Великий Боже! Что такое? Возводились баррикады, повозки переворачивались, взад-вперед бегали сердитые люди с мушкетами. Он поспешил вниз, чтобы узнать, в чем дело, а на следующий день отправил домой специальное послание, которое заканчивалось так: «Восстание еще не совсем подавлено, но, вероятно, закончится сегодня. Если это поспособствует улучшению бизнеса... тогда дьявол с ними, пусть разбивают друг друга башки».

Восстание, которое было ускорено отставкой министра иностранных дел Луи Моле, было одним из тех взрывов, которые в конце концов достигли кульминации в свержении июльской монархии. Но мрачная догадка не волновала Альфреда. Это просто была не его сфера. У него по-прежнему «не было времени на чтение, политику и тому подобные вещи». И его невозможно в этом винить. Фракционные маневры Моле, Тьера, Гизо были непостижимы для большинства немцев, включая политических деятелей. Грохот французских орудий повсюду воодушевлял либеральных мятежников; бельгийцы добились независимости от Нидерландов,

восстали поляки, и даже маленькие и решительные папские государства пытались – хотя и тщетно – отколоться от его святейшества. В Центральной Европе, однако, народ пребывал в состоянии спячки. Меттерних по-прежнему был диктатором Австрии, Пруссия оставалась цитаделью абсолютизма. Пруссакки считали себя выше трескотни по поводу конституции, избирательного права, свободы печати. Позиция Альфреда была типичной. Лидеров, заявлял он, «надо только заставлять выполнять свои обязанности или посылать их к черту. Тогда все будет как надо».

Но было не как надо. Седые стены рушились, и, поскольку они не были чисто политическими стенами, Крупп не мог оставаться без движения и при этом не попасть под обломки. «Я иду в ногу со временем и не стою на пути прогресса», – говорил он, имея в виду технический прогресс, более тяжелые и лучшие паровые молоты, более крепкую крупповскую сталь. К сожалению, это было не так просто. Меттернихи, которые полагали, что они смоят память о Наполеоне, были так же обречены, как и луддиты, которые крушили машинное оборудование. Новые идеи и новый опыт были связаны между собой. Например, в каждой стране, покоренной великой армией, система гильдий была упразднена. Это создало свободный рынок труда – такого же рода рынок, который существовал в Англии более столетия и дал начало британским промышленным достижениям. На континенте этот опыт повторили; английские машины сначала были приняты, а затем усовершенствованы. Тем временем освобожденные из гильдий рабочие стали «чистыми руками» на фабриках, разрастался средний класс, появлялись промышленные титаны, бурное развитие продолжалось – одно было связано с другим. Как и всякий ветер перемен, этот сдул кое-какие крыши. С экономической точки зрения он принес с собой тревожные циклы бумов и банкротств. Мгновенно приобретенное состояние содействовало вложениям капиталов, а потом возникавшая из ничего паника сваливала инвесторов в депрессию. Цикл мог происходить с вызывающей тревогу быстротой. Когда Альфред уезжал из Парижа, все было прекрасно. Вернувшись в Эссен после ураганной двухнедельной кампании по расширению продаж в Брюсселе, Генте, Антверпене, Льеже и Кельне, он застал Германа, да и весь Рур в состоянии обостренного экономического беспокойства.

Англия уже прошла через этот этап. Страх перед неопределенным будущим терзал индустриальное общество. При отсутствии акционеров условия кредита были жесткими. А когда машины вытеснили ручной труд, покупательная способность упала. Цветок процветания быстро увядал. Для «Фрид. Крупп из Эссена» общая депрессия обострялась особыми раздражителями. Мало того что британцы вели войну цен против производителей стальных слитков на континенте, так теперь у Круппа появился конкурент на собственном заднем дворе; Якоб Майер в расположенном неподалеку Бохуме добился успехов в разливке стали. (Старые соперничества умирают трудно. В 1962 году в официальной истории главной британской фирмы по производству военного снаряжения Майер, а не Крупп был представлен как пионер сталелитейной промышленности Германии, и именно ему приписывались все заслуги за изобретение крупповских стальных железнодорожных колес.) Можно было бы предположить, что блестящая торговая кампания Альфреда во Франции даст ему существенное преимущество, но нет; не успел он распаковать чемоданы, как пришло письмо с сообщением, что один из его клиентов умер. Несколько лет спустя почти все они оказались на галльских кладбищах. Это выглядело странно. Он сам удивлялся, уж не охвачен ли Париж «великим мором» – странной чумой, которая выбирала жертвами кузнецов. Воля божья, кажется, опять была против него. И как можно было предсказать, его сыпь усилилась.

Все качества Альфреда основывались на непреклонной воле. Это была его опора; до тех пор, пока он за нее цеплялся, он не мог рухнуть. Тереза лечила его сыпь мазями, и, распластавшись у себя на верхнем этаже, он рассматривал небо, выискивая на нем добрый знак. Теперь он нашел обнадеживающий клочок. Хотя рынок прокатных станов сузился, спрос на размер проката резко увеличился. Да, клиентов стало найти труднее, но ведь немногие из них пустятся в

долгий путь. Поэтому, все еще сердито почесываясь, он опять покинул Рур, чтобы добиваться контрактов. Путешествие предстояло длительное. В Рождественский сочельник 1839 года он написал обер-президенту своего государства письмо с просьбой представить его официальным деятелям в Австрии, Италии, России и «в остальных европейских государствах», и это было только началом. Он появился в Варшаве и в Праге, вновь посетил Париж и Брюссель, добивался встречи с Джеймсом фон Ротшильдом (он пытался присмотреться к нему в дверях Французского монетного двора) и даже размышлял о том, чтобы «вскоре начать делать бизнес в Северной Америке». На протяжении нескольких следующих лет его почти не было на фабрике. Разъезжал на поездах, в экипажах, лошадях; останавливался в дешевых, неотапливаемых комнатах; вручал мандаты и рекомендательные письма, выпрошенные у прусских бюрократов; демонстрировал образцы столовых приборов; на полном серьезе уверял, что «достаточно иметь образцы ложек и вилок, чтобы операторы прокатных станов выпускали приборы таких же форм с любыми орнаментами и гравировками по желанию» и отсылал подписанные контракты в Эссен.

Его жизнь, которая всегда была обособленной, становилась еще более одинокой. Каждый раз, когда он распаковывал чемоданы, новый кризис заставлял его паковать их заново. «Теперь, когда мои поездки закончены, я могу с легкой душой готовиться к домашней жизни», – писал он 27 февраля 1841 года, а следующее письмо посылает тому же адресату из Вены: «Ты будешь удивлен, узнав, что я провел здесь уже неделю...» Родственники редко его видели. «Ты стал как Вечный жид, – писал ему Штоллинг, – все время едешь из одного места в другое». В заплесневелой атмосфере посещаемых привидениями сельских постоялых дворов его фобии усиливались. Он думал о крупновцах, которые курят трубки, зажигают спички, и его охватывала дрожь. Курение должно быть запрещено, и, опасаясь, что какой-нибудь шпион в цеху может перехватить его указания, изложил их на французском языке: «В списке рабочих надо поместить тех, которые курят». Время от времени он предпринимал попытки вырваться из своей рутины, подружиться с кем-нибудь. После обеда с одним берлинским клиентом последовал вежливый спор о том, кто должен оплачивать счет. Альфред весело пошутил: «Вы требуете счет за ржаной хлеб. В качестве наказания за эту несправедливость самая большая буханка ржаного хлеба, которую когда-либо выпекали в Вестфалии, будет вам отправлена при первой же возможности, и я собираюсь распорядиться... чтобы вам послали сыр, в корке которого вы могли бы вздремнуть после обеда». Но эта шутливая записка была фальшивкой, просто визгом и не соответствовала его характеру; уже в следующем абзаце он переключается на нормальный ход. «Машина будет поставлена за ваш счет, – прямо заявляет он, – а если она не подойдет, то будет возвращена также за ваш счет». Он мог послать буханку хлеба, но поставки в Берлин – это уже бизнес, и здесь не должно быть никаких юридических изъятий.

Неуклюже? Что ж, да. Альфред всегда был таким. Но он и не мог быть другим. Он помнил о семье, помнил о девяноста девяти крупновцах, которые сейчас зависели от него на заводе, помнил отца и свое обещание, что он никогда не последует печальному примеру Фридриха, и ему приходилось считать каждый пфенниг. Волк постоянно скребся в дверь Штаммхауса. Герман тоже был весь в движении, и они вдвоем набирали достаточно заказчиков, чтобы выжить. В Санкт-Петербурге фирма Тегельштейна закупила прокат для вилок и ложек; в Берлине некий герр Волльгольд тоже сделал покупку; обещающе выглядела Австрия, хотя «как ни странно, венцы твердо придерживаются старых форм своих вилок и ложек и отказываются от подражания парижским модам», с помощью которых он как раз надеялся добиться успеха. Альфред довольно язвительно добавлял: «Австрийцы любят класть в рот помногу, и поэтому некоторым ложки кажутся слишком маленькими».

Если Альфред не любил Австрию – а он сильно не любил ее, – у него на это были веские причины. В Вене он подвергся мучительному испытанию, в результате чего поседел, не достигнув и тридцатилетнего возраста. Его обманули, как слепого. Вероятно, ему следовало быть

более осторожным, но теперь он уже прошел через несколько испытаний иностранным огнем. И все-таки во многих отношениях оставался наивным. Подкуп должностных лиц был тогда установившейся деловой практикой, но Альфред продолжал этим возмущаться, а российских чиновников-взяточников называл жуликами. Взятка, как ему следовало бы знать, ничего не гарантировала: в канцеляриях царило правило: «Пусть продавец действует на свой риск». Однако Вена – это вам не Санкт-Петербург или Париж. Она была германской, нордической, братской страной. Как порядочный пруссак, Альфред питал уважение к власти, и это вело его к крушениям. При Меттернихе Австрия была законченно полицейским государством. Власть полицейского государства, как это пришлось познать Круппу, была намного более беспощадной и вероломной, чем клиентура, с которой он торговался в других местах. «Австрийцы, – заметил Наполеон, – всегда опаздывают – с платежами, с армиями, в политике». Иногда они вообще не выполняют обязательств. Более того, поскольку контракты в Австрии были крупными, обратный ход с ними мог привести к чрезвычайным последствиям. В данном случае «Фрид. Крупп из Эссена» оказался ближе к крушению, чем когда-либо с момента смерти основателя. Осенью 1840 года Альфред вел переговоры с Венским Императорским монетным двором. Тамашние джентльмены хотели новый прокатный стан. Они также хотели гарантию. Он взял на себя обязательства и в своем путевом дневнике записал условия: «В случае, если цилиндры или любая из частей поставленного механизма в течение двух лет сломаются или станут не подлежащими обслуживанию, я беру на себя обязательство бесплатно произвести замену».

Все логично. Австрийцам были представлены эскизы, которые они любезно одобрили, а потом приняли и доставленный готовый продукт. Затем начались неприятности. Он не мог получить свои деньги. Все были вежливы, но всякий раз, когда он напоминал о платеже, получал уклончивые ответы. Когда он стал требовать своего, ему сказали, что его изделие было не совсем удовлетворительным. Нет-нет, беспокоиться не о чем, но – в другой раз. С растущей тревогой он возвращался домой, потом ехал в Вену – и так на протяжении полутора лет. Ничего не менялось. Монетный двор держал его прокатные станы и ничего не платил. В отчаянии он обратился к барону фон Кюбау, австрийскому министру горных работ и производства монет. Он протестовал против того, что его случай изображается «в самом неблагоприятном свете привилегированными лицами, чьи имена и неприглядные действия с целью нанесения мне ущерба я готов устно довести до сведения Вашего превосходительства и представить доказательства. Будучи вынужденным оставаться здесь до тех пор, пока вопрос не будет решен, я потерял более 20 тысяч флоринов из-за того, что запустил дела на заводе, и, кроме того, понес здесь ненужные расходы на сумму свыше 7 тысяч флоринов... В результате этих потерь и из-за того, что меня лишают значительной суммы, причитающейся мне за поставленные прокатные станы, я поставлен на грань разорения».

Ответа не последовало. Прошло три недели, и он опять предпринял попытку обратиться к министру. Положение становилось затруднительным. В Вене Меттерниха, как он понял, к «Его превосходительству он не мог обращаться с претензиями в том, что касается закона». Не прося о помощи, прижатый к стене своей длинной спиной, Альфред бросился к его превосходительству за милостью, веря в любезную тактичность барона. Он просил вернуть ему «хотя бы часть стоимости покупки». Каждое письмо он писал каллиграфическим почерком, объясняя министру, что «процветающая фабрика, которая каждый год приносила хорошую прибыль, будет безнадежно потеряна», если в просьбе будет отказано, и моля о том, чтобы «по крайней мере сумма одного контракта от 23 декабря 1840 года, который был выполнен во всех отношениях, была сразу же выплачена». Преувеличения были для него обычным делом, но на этот раз он был доведен до крайности. В то же утро он получил из Эссена свежее сообщение, в котором говорилось о том, что первые оценки потерь были основаны на неверных подсчетах; на самом деле австрийское несчастье обошлось в 75 тысяч талеров, вдвое дороже по сравнению

с тем, что он думал. Он дошел до точки: «В данный момент я стою на краю пропасти; только немедленная помощь может спасти меня».

Это была трогательная просьба. Она тронула барона на несколько дюймов. Он принял Альфреда и предоставил ему символическую компенсацию. Вернувшись в Рур, Крупп уныло глазел на длинные столбцы, написанные красными чернилами. Пятнадцать лет назад, до того как он начал управлять металлургическим заводом, умер отец. Казалось, что пятнадцать лет управления его сына принесли мало улучшений. Из Эссена раздавались все те же погребальные песни – у Берлина просили помощи, просьбы отвергались, рассматривалась эмиграция в Россию («Прусское правительство ничего для меня не сделало, поэтому меня не сочтут неблагодарным, если я уеду из моей страны в другую, власти которой обладают мудростью, чтобы всеми возможными путями развивать промышленность»), и вновь вокруг попавшей в осаду семьи собрались родственники. Кредит двоюродного брата Фрица фон Мюллера был исчерпан, и теперь его убедили заполнить пустое место. В тех обстоятельствах потребовались весьма солидные средства убеждения: ему были обещаны четыре с половиной процента с его капитала, двадцать пять процентов с любых прибылей и никаких обязательств в отношении убытков. Приняв это во внимание, фон Мюллер вложил 50 тысяч талеров и стал компаньоном, представляющим фирму, но активно не участвующим в ведении дел. Тем временем к братьям присоединился третий родственник. В 1843 году дородный ювелир Адальберт Ашерфельд, который происходил из семьи их бабушки Хелен Амали, прибыл из Парижа и возглавил буровые работы.

В Штаммхаусе меню было опять сведено к хлебу, картошке и кофе. Их поддерживал патент на изготовление ложек и вилок. 26 февраля 1847 года он был официально признан в Англии (тут же он был полностью продан британской фирме), живо развивалась торговля с венгерскими мастерами серебряных дел. Как это ни иронично звучит, самый крупный контракт Альфреда на изготовление ложек был размещен в Австрии. Ожидая расположения со стороны барона Кюбека, он встретил зажиточного торговца по имени Александр Шоллер. Изучив его образцы, Шоллер предложил партнерство. В тот момент Альфред предпочел бы послать всех венцев к черту, но не мог позволить себе такую роскошь. Фрицу Круппу было двадцать с лишним лет, и он процветал; похожий на шкаф болван Ашерфельд был неплохим прорабом. Исключением был Герман, который после семейного совета уехал, чтобы создавать новую фабрику в Берндорфе, недалеко от Вены. Как и со всеми сделками Альфреда к югу от границы, это казалось лучше, чем было на самом деле. От завода в Берндорфе ему не было большой пользы. Завод там быстро превратился в самостоятельное предприятие и вернулся в кольцо Эссена только в 1938 году, через полвека после его смерти.

Тем не менее, подъем завода в Берндорфе нес одно огромное и незамедлительное преимущество Альфреду. Герман покинул город. Братская любовь – это, конечно, очень хорошо; но она означала разделение полученных по рождению прав, а потом – ничегонеделание. Альфред был убежден в том, что фабрика принадлежит ему по праву рождения. Прошло уже несколько лет с момента, как он робко назвал ее «заводом по производству тигельной стали, которым я управляю от имени своей матери»; теперь это был «мой завод», «мой цех», «мой молот»; или в более чувствительные моменты – «мой ребенок», «моя невеста». Отчасти это вполне понятный результат долгой борьбы. Его тяжкий труд и слезы, связанные с этой кузницей, несоизмеримы с заботами Германа, Фрица и Иды, вместе взятых. Однако в большей степени его позиция была отражением тоталитарного духа. Как и отец, он верил в то, что промышленники – это наследники баронов феодальных времен. Права феодального собственника неоспоримы и не имеют никакого отношения к правам вассалов. В 1838 году в первых положениях о заводе было оговорено, что крупповцы, у которых есть задолженность, будут уволены. Если кто-то на пять минут опоздает, он лишается часовой заработной платы. Крупповцы были связаны абсолютными обязательствами. 12 октября 1844 года он писал Штоллинг, что ожи-

дает от каждого рабочего, чтобы тот «оставался лояльным по отношению к фабрике, которая его содержит». Он намеревался железной рукой управлять своим феодальным поместьем – своим, потому что первым из дворянских прав было право первородства.

На самом деле, конечно, все было сложнее, и по мере того как возраст Терезы приближался к шестидесяти годам, а здоровье убывало, проблема наследства становилась выше всех других семейных вопросов. Фабрика, хоть и заложенная, была ее единственным имуществом. Тяжелые времена стали еще тяжелее – повсюду наступила депрессия 1846–1847 годов, но каждый из ее детей хотел заполучить часть завода. Она вынесла свой приговор в 1848 году. Герману, который отсутствовал и не мог отстаивать свою долю, было дано то, что у него уже имелось, – партнерство в Берндорфе. По-видимому, он был доволен; его письма из Вены ограничивались подробными (и весьма здравыми) советами Альфреду о необходимости следить за «разницей в содержании углерода в тигельной стали». Ида – женщина, и ее нечего воспринимать всерьез; она получит расчет наличными. В деле окончательного урегулирования оставался Фриц, который присутствовал на месте, был мужчиной и человеком неожиданно упрямым. Однако у Альфреда оказался сильный союзник. Фриц Штоллинг, который до этого хранил молчание, высказался в его поддержку. Это убедило Терезу. Прецедент был важен. В дальнейшем крупновское состояние сохранялось за старшим ребенком, и по мере того как в Германии росла сила Круппа, отголоски этого решения находили отражение в правительственной политике (например, в принятом нацистами законе о наследстве от 29 сентября 1933 года). Таким образом, когда Фриц проиграл свое дело, это коснулось еще не родившихся детей. Как и сестре, ему были выданы наличные, а унижение было усилено требованием никогда не разглашать торговые тайны фирмы, – и он удалился в Бонн, где стал купцом. Уезжая, он смотрел со злостью, как со злостью смотрел на него и наследник. Альфред, который сам был склонен к беспредельной ярости, не терпел дурного нрава в других. Для него брат был человеком непростоительно «гнетущим».

24 февраля 1848 года Альфред довольно неучтиво заметил, что мать передала ему «развалины фабрики». Тереза позволила ему выбрать дату передачи завода, и он случайно, ничего не подозревая, выбрал то самое утро, когда парижские толпы штурмовали дворец Тюильри и сбрасывали Луи Филиппа. На континенте последовала цепная реакция, и на этот раз от нее не была избавлена и Центральная Европа. Падение Меттерниха не вызвала в Штаммхаусе никаких рыданий, но когда поднялись жители Берлина, начались тяжелые вздохи; такого рода вещи не должны происходить в Пруссии. Они и в самом деле не произошли: уступив требованиям участников мартовского восстания, Фридрих Вильгельм IV выигрывал время до тех пор, пока франкфуртский парламент не предложил ему императорскую корону. Это было невыносимым унижением для монарха, который считал себя божьим наместником и к любой конституции относился как к «исписанной пергаментной бумаге, чтобы руководить нами с помощью параграфов и вытеснить древнее, священное обязательство верности». В конечном счете он с презрением отверг эту «бумагу», тем самым положив конец наглой демократии. Но до триумфа истинной Германии было еще далеко, когда правовой титул владельца завода перешел к наследнику. Он беспокоился. «Альфред, – писала Ида подруге, – собрал вчера работников и говорил с ними о всеобщих беспорядках. Он выразил надежду, что волнения не распространятся на Эссен, но если это случится, он ожидает от своих людей, что они используют свое влияние и сделают все возможное, чтобы оказать сопротивление».

В глубине души он был менее оптимистичен. «Мы должны учитывать возможность того, что рабочий класс начнет крушить оборудование», – предупреждал он 3 марта одного из своих французских заказчиков. Едва ушло это письмо, как в Эссене раздался гул недовольства. Среди рабочих разгорелись страсти, они насупили брови. Из бедных кварталов поступали сообщения о неминуемой грозной смуте, и перепуганный бургомистр объявил о введении осадного положения. Альфред действовал быстро. Как только выяснилось, что один из его

рабочих стал подстрекателем (им оказался один из первоначальных семи), он был немедленно уволен. На время осады городские ворота были заперты, поэтому Ашерфельд взял на себя ответственность за остававшихся сто двадцать трех работников, став тем самым первым охранником Круппа. По утрам на здании муниципалитета звонил колокол – «Бежать, бежать, звонит колокол!», и жены крупповцев начинали кричать на грубом диалекте, а мужчины неслись по узким извилистым улочкам. Свирепо выпячивая вперед физиономию, Ашерфельд рычал команды, сопровождая их на работу, а по вечерам чеканным шагом провожал обратно.

Это была одна сторона первой реакции Альфреда на общественные беспорядки. Несомненно, она была именно такой жесткой, но рабочие той поры привыкли к регламентации жизни. Более того – и здесь мы видим начало преданности крупповцев Круппу, – Альфред признавал, что титул промышленного барона накладывал на него огромную ответственность. Будучи почтенным предпринимателем, он должен был сохранять для людей работу, кормить семьи, находить лекарства, сколько бы это ни стоило. В 1848 году первоначальной собственностью было его фамильное серебро. Оно пережило предыдущие превратности судьбы. Теперь же, подобно Фридриху Великому, он расплавил его, чтобы выплачивать зарплату, а его английские шпоры были пропущены через крупповский прокатный стан и в результате окупались. Тем временем Штоллинг договорился о кредите с кельнским банкиром Соломоном Оппенхаймом. В тот год, когда банки терпели крах, это было немалым подвигом, и хотя Альфред, не желавший платить проценты, начал долгую вражду с «евреями – биржевыми спекулянтами и прочими паразитами», зарплата опять была выплачена. В 1849 году русские, подавив венгерское восстание под предводительством Кошута, занялись внутренними делами и предложили Круппу 21 тысячу рублей за то, что он построит в Санкт-Петербурге огромную фабрику по производству ложек. Впереди сверкнул луч надежды, пока всего лишь проблеск. 10 июня он писал: «Кто не страдает от нынешних условий? Просто мы должны держать голову над водой».

* * *

На первой фотографии Альфреда, сделанной как раз в то время, он выглядит человеком, который старается держать голову выше воды. Тогда ему было тридцать семь лет, и хотя он с юности не прибавил в весе ни фунта, ему можно было дать все пятьдесят. Его тонкие, прилизанные волосы быстро редели (он еще не мог позволить себе приобрести парик), бледный лоб пересекали три глубокие морщины. Глаза были узкими и подозрительными; в них таился лисий, измученный, затравленный взгляд. Альфред научился не верить в удачу, не доверять иностранцам и даже своим собственным людям. Больше всего он боялся будущего, что показывает, насколько обманчивой может быть судьба, потому что будущему предстояло увенчать «Фрид. Крупп из Эссена» ослепительной радугой цвета денег. Для этого не требовалось никаких невероятных изобретений. Семена будущего богатства были рассыпаны вокруг него. Подавление франкфуртских выскочек вело к созданию диктаторского режима, который Круппу был абсолютно необходим. Впереди точно вырисовывался великий век железных дорог. За рубежом Соединенные Штаты были близки к тому, чтобы опоясать континент рельсами, но у Америки все еще не было собственной сталелитейной промышленности, а на металлургическом заводе у Альфреда уже тогда производилось пробное литье рельсов.

Однако самым благоприятным нововведением оказалось то, что поначалу выглядело наименее обещающим. На протяжении многих лет его никто не замечал, оно не привлекало совершенно никакого внимания и не возникало даже как тема для обсуждения на обеде в Штаммхаусе. Но это был любимый проект Альфреда.

Каждый из его братьев проявил недюжинный технический талант. Герман внес свой вклад в ножевые прокаты. В 1844 году на промышленной выставке в Берлине Крупп представил последнюю модель этой машины, которая «с помощью прижимного вала преобразует листы

необработанного серебра, немецкого серебра или любого другого ковкого металла в ложки и вилки любой формы, с какими угодно принятыми орнаментами, путем вырезания их из плоского отрезка стали и отчетливого клейма». Фриц, который был бездельником и «сапожником», попытался создать опытные образцы пылесосов и безлошадных экипажей. Эти попытки потерпели провал, но провалы у него случались не всегда; на промышленной выставке в Берлине его трубные колокола принесли Круппу золотую медаль, которую четыре года спустя пришлось принести в жертву пожару. Собственные вклады Альфреда в выставку 1844 года были проигнорированы. Сам он о них думал не слишком много. В его записях они упоминаются случайно, почти проходя.

Это были полостно-кованные, холодноотянутые мушкетные стволы.

Глава 3

«Пушечный король»

Никто не может с уверенностью сказать, что побудило Альфреда выпустить свой первый мушкет. Семья не занималась оружием с тех пор, как его отец точил штыки, и, поскольку их последняя отправка из Эссена состоялась, когда Альфреду было семь лет, любые воспоминания, которые могли у него сохраниться, были в лучшем случае чрезвычайно смутными. Конечно, оружие принадлежало к старым традициям района Рура, причем это были мечи, а древним местом обитания их производителей был Золинген, но в любом случае все переходило на изготовление ножей и ножниц. Поскольку свидетельств нет, строится множество гипотез. Современные поклонники Круппа высказывают предположение, что Альфреда вела национальная гордость. Один из них отмечает, что в те времена «поэтический гений молодежи Германии был насыщен воинственными идеалами, а смерть в бою расценивалась как священный долг во имя Отечества, дома и семьи». Здесь скорее немецкая легенда, нежели история Круппа. Если Альфред и был идеалистическим юношей, об этом ничто не говорит. По другой версии, Альфред просто взглянул на лист проката толщиной в 8 дюймов и вдруг подумал, что, если его соответствующим образом развернуть, это придаст ему вполне военный вид. Это тоже неубедительно, хотя бы потому, что нет ни малейших свидетельств, которые бы подтверждали наличие у раннего Круппа проката такой толщины.

Согласно третьей версии, один торговец оружием спросил Германа, который ездил по торговым делам в Мюнхен, нельзя ли отливать оружие из стали, и он отправил это предложение домой. Это – наиболее вероятная из трех версий. В то время Герман действительно был в Южной Германии. Ему было двадцать два года в 1836 году, когда Альфред попытался собственноручно ковать оружие. Работа продвигалась медленно. Как и первый прокатный стан Германа, и приспособления Фрица, это было хобби для занятия после работы, а у него было меньше свободных минут, чем у братьев. Большую часть времени находясь в поездках и деловых хлопотах, он возвращался наконец в Штаммхаус, утонул в старом кресле Фридриха из коричневой кожи и моментально сталкивался с тысячей мелких административных деталей. При такой бешеной нагрузкековка заняла семь лет, но все же привела к блестящему техническому успеху. Весной 1843 года он произвел свой первый конический ствол яркого серебристого цвета. В восторге от достигнутого он сделал то, что казалось естественным, – попытался его продать. А потом знакомые горькие чувства разочарования начали крушить его надежды. И продолжалось это дольше, чем ушло времени на ковку. Горечь пронизала его жизнь, отравляя его веру, пока он не начал сожалеть обо всем этом предприятии.

Перво-наперво он обратился к Пруссии. В самый жаркий день того лета он вычистил, оседлал свою лучшую лошадь и поехал на оружейный склад Саарн. Первая попытка была неудачной. Вспотевший охранник Саарна был груб; Альфреду дали от ворот поворот. Приехав снова, он обнаружил, что дежурный офицер, лейтенант фон Донат, считал идею стального оружия довольно смешной. Однако фон Донат доверительно сказал ему, что его коллега, капитан по имени Лингер, может думать и по-другому. Лейтенант, как можно понять, считал капитана человеком несколько эксцентричным. К сожалению, инакомыслящего военного специалиста в тот момент не оказалось на месте. Несомненно, такое объяснение было дано только для того, чтобы Альфред легче воспринял отказ, но он галопом усакал домой и отправил в Саарн свое лучшее оружие. В сопроводительном письме он с гордостью писал: «Пользуясь вашим любезным позволением, имею честь послать вам мушкетный ствол, выкованный из лучшей тигельной стали... Наверху ствола я оставил кусок стали в виде клина, который можно срезать в холодном виде и проводить на нем любые испытания прочности материала».

Он не ожидал, что армия изменит свою политику в отношении мелких видов оружия. Мушкеты были совсем не тем, что он держал в голове. Его интересовало мнение относительно «пригодности этого материала для пушек», и он объявил, что его следующим шагом будет «выковывать такие стволы из тигельной стали непосредственно в виде труб». Ожидая восторженной реакции на свой первый образец, он уже паковал два других; вскоре они должны были быть отправлены.

И они были отправлены. И их вернули. У Лингера были кое-какие мысли, но он был не настолько эксцентричен. Разгневанный Альфред обратился к своим любимым иностранцам – англичанам. На плохом английском он проинформировал одну бирмингемскую фирму, что посылает ей «в одном пакете» два ствола, «которые она будет рада подвергнуть суровым испытаниям и сравнениям с оружейными стволами из железа, в особенности в том, что касается крепости материала и последствий большей чистоты и отделки души». (Он имел в виду «канал ствола». По-немецки *Die Seele* означает и «душа», и «канал ствола».) В случае, если фирма закажет более десяти тысяч стволов, он, очевидно, пересмотрит стоимость заказа мушкетов; это будет лучше, чем ничего, – он готов предложить цену от 10 до 12 шиллингов за ствол. Если заказ будет еще больше, он предложит еще более низкую цену. Однако британцев, как и пруссаков, не интересовало стальное оружие ни за какую цену. Они ужасно сожалели. Надеялись, что он поймет. Но этим все и кончилось.

Но он даст еще один шанс своей собственной стране. В военных вопросах решающее слово оставалось не за Саарном, и после промышленной выставки он решил обратиться в Генеральный военный департамент Берлина. На данный момент его артиллерийский проект был отложен; он определенно сконцентрировался на мелких видах оружия. Непрерывное лоббирование и, возможно, кое-какие взятки убедили Саарн провести испытания одного из его стволов. Оружие блестяще показало себя, даже после того, как толщина металла была спилена до половины требуемой по норме, а испытательный заряд увеличен до трех унций пороха. Все эти результаты Альфред представил генералу фон Бойену, мужчине семидесятилетнего возраста, который служил у Бюлова начальником штаба в войне против Наполеона и вернулся из отставки, чтобы стать военным министром. Через три недели, 23 марта 1844 года Крупп получил ответ:

«В ответ на предложение, переданное мне в вашем письме от 1-го числа текущего месяца, настоящим информирую вас о том, что никакого смысла не имеется в том, что касается производства мушкетных стволов, поскольку нынешний способ их изготовления и качество производства их таким способом по значительно меньшей стоимости отвечают всем разумным требованиям и едва ли оставляют желать чего-либо лучшего».

Даже в те времена военные люди выражались невразумительно. И если отбросить издержки стиля, оставалось только то, что приводило в уныние. Но все-таки генерал оставил дверь открытой для «дальнейшего рассмотрения вопроса о производстве пушек из тигельной стали». Альфред в нетерпении смахнул пыль со своих артиллерийских планов и предложил изготовить экспериментальное орудие. 6-фунтовое, полагал он, не уложится в его существующие мощности. В конечном счете он думал вложить более 10 тысяч талеров в создание полностью оборудованного оружейного цеха (маховики, новые печи, паровой молот мощностью в 45 лошадиных сил), но не было смысла затевать все это, пока Берлин не одобрит орудие. Он предложил 3-фунтовое орудие. Он может предоставить его «через пару недель». Генерал несколько потеплел, и 22 апреля 1844 года Круппу был дан зеленый свет. К несчастью, Альфред грубо ошибся в расчете времени: три года спустя он все еще заверял нового министра, что орудие на подходе. Оно было поставлено на военный склад Шпандау, недалеко от Берлина, в сентябре 1847 года.

Пруссия получила первую пушку Круппа. И меньшего внимания к ней было проявить невозможно. Позднее это официальное невнимание было отнесено на счет политических бес-

порядков, но они начались только через полгода, а когда начались, критический период был коротким. На самом деле никто не проявлял интереса даже к тому, может ли орудие стрелять. Бездействующими оставались 237 фунтов лучшей крупповской стали, над которыми даже не было защитного покрытия. На протяжении почти двух лет пауки затягивали паутиной 6,5-сантиметровый (2,5 дюйма) ствол, пока Альфред, выйдя из себя, не призвал к действию пассивную Комиссию по испытанию артиллерийских орудий. В июне 1849 года пушка выстрелила на полигоне Тегель. Три месяца спустя сообщение об этом дошло до Эссена. Прочитав его, Альфред был ошарашен. Орудие стреляло хорошо, покровительственно сообщалось в депеше: его может разрушить только чрезмерная нагрузка. Но «необходимость усовершенствования нашего легкого оружия едва ли существует. Пожелать можно только более продолжительной жизни тяжелых бронзовых стволов и увеличения мощности железных». Сделав такой безоговорочный вывод, комиссия оградила себя следующим:

«Поэтому мы не можем рекомендовать вам продолжать эксперименты, если вы заранее не видите своего собственного способа ликвидации препятствия к производству стволов такого типа, вытекающего из их высокой стоимости».

Бойен, по крайней мере, высказывался прямо. Разъяренному Альфреду казалось, что комиссия служила и нашим, и вашим. Фактически никто не хотел его изобретения. Оно представляло собой перемену, а закостеневшие военные чины смотрели на любой прогресс прищуренными глазами. В ретроспективе приговор комиссии представляется на удивление близоруким. Но так встречали новизну не только в Пруссии. Как любой переворот, индустриальная революция породила мутные волны контрреволюции; в тот же самый год, когда Альфред начал ковать свой первый мушкет, Сэмюэл Морзе довел до совершенства свой телеграф, и ему пришлось восемь лет стучаться в двери Вашингтона, прежде чем был проложен первый кабель. Умы военных были особенно невосприимчивы к новому. Офицерский корпус XIX века ожесточенно боролся с идеями Ричарда Гатлинга в Америке, Генри Шрапнеля в Англии и графа Фердинанда фон Цеппелина в Германии.

Орудие Альфреда было не только отвергнуто; оно вызвало глубокое негодование. Пока он не вторгся в эту сферу, процесс производства вооружений был стабильным и предсказуемым. Фельдмаршал мог разрабатывать свои боевые планы с уверенностью в том, что применяемая тактика будет такой, какой он выучился, будучи кадетом. В некоторых областях на протяжении веков не было ничего нового. Порох, по существу, был той же самой взрывчаткой, которую китайские ракетчики использовали против противника в 1232 году. В пузатых, толстостенных, по форме напоминавших чайники пушках 1840-х годов проглядывались очертания усовершенствованных катапульт, которые появились в XIV веке, когда ремесленники, отливавшие чугунные церковные колокола, изменили литейные формы таким образом, чтобы выбрасывать камни.

Усовершенствования были минимальными: лучшее литье, лучшее сверление, более широкие стволы. В 1515 году немцы представили в Нюрнберге устройство для блокировки колес; несколько лет спустя французы изобрели пушечные ядра. Главный вклад Наполеона состоял в том, чтобы размещать батареи на коротком расстоянии от огня («огонь – это все»); несмотря на всю свою репутацию мастера артиллерии, он не мог изменить средневековую технологию оружейников. Притягательность войны привлекла многие самые блестящие умы в Европе к созданию новых способов убийства людей, а за три столетия до рождения Альфреда Круппа Леонардо да Винчи мечтал о полевых орудиях, заряжающихся с казенной части. Долгое время препятствием была металлургия. Во время дебюта Круппа оружейные мастера, к сожалению, были невежественны в химических законах. Немногие шаги вперед, которые они делали, в большой степени основывались на опытах и ошибках, а поскольку они экспериментировали со смертью, то часто возвращались к своим чертежным столам с окровавленными руками. Ни один из металлов не был по-настоящему надежным. Каждое крупное орудие

могло взорваться в любую минуту. Литые чугунные пушки эффективно применялись Густавом Адольфом в Тридцатилетней войне, но, тем не менее, они оставались до опасной степени хрупкими из-за высокого содержания углерода; во время осады Севастополя, через семь лет после того, как комиссия унизила Круппа, литой чугун привел к ужасающим жертвам среди британских канониров. В употребление входило кованое железо с даже меньшим содержанием углерода, чем сталь. Но тут возникали как раз противоположные трудности. Оно было слишком мягким. В 1844 году 12-дюймовое гладкоствольное орудие взорвалось во время парадного плавания американского военного корабля «Принстон», убив государственного секретаря и министра военно-морских сил и резко обострив отношения между кабинетом и адмиралами. Каждый подобный инцидент способствовал усилению консерватизма, свойственного рутинерам в мундирах с золотыми галунами. Бронза была самым безопасным выбором, и большинство из них придерживались этой точки зрения. Она была тяжелой и ужасно дорогой, но у ранних викторианцев пользовалась исключительной хвалой. Веллингтон с ее помощью одержал победу над Наполеоном. Это было самым сильным аргументом против 3-фунтового орудия Круппа. Генеральный инспектор артиллерии в Берлине, как писал позднее Альфред одному из своих друзей, прямо заявил ему, что «не будет иметь никаких дел с пушкой из литой стали, потому что старые бронзовые орудия доказали свое превосходство во время битвы при Ватерлоо».

Ватерлоо: в 1849 году это было неотразимым доводом. Столкнувшись с ним, дрогнул даже Альфред, и, составляя планы своей мировой премьеры, он опять отложил на полку чертежи пушки. Премьера должна была состояться в английском «Кристал-палас». В 1851 году британцы собирались проводить первую всемирную ярмарку. Пруссии было отведено небольшое место, слабо освещенное; но если Крупп хотел, он мог арендовать площадь. Он очень хотел этого и, проявив инстинктивное чутье в отношении рекламы, предвидел, что любой успех в Лондоне будет замечен во всем мире. Европейские промышленники наперебой хотели видеть, кто произведет самый большой блок литой стали. Все хвастались «чудовищными слитками», и Лондон должен был рассудить, кто может продемонстрировать самое большое чудовище. Это был прекрасный шанс достичь определенного статуса. С точки зрения Альфреда, победителем должен был стать человек, у которого самые дисциплинированные рабочие, – босс с самым тяжелым хлыстом. Собрав своих крупповцев, рявкая команды, он добился выдающегося подвига. Девяносто восемь тиглей были залиты одновременно и без сучка без задоринки. Он создал техническое чудо: слиток в один кусок весом в 4300 фунтов.

Начало апреля застало его в Лондоне среди безумного количества викторианских металлических изделий «Кристал-палас», и он с места событий посылал домой наставления. Теперь, когда Герман ушел, он обращался к фабрике коллективно – «джентльмены организации» или «джентльмены из коллегии», когда чувствовал себя возвышенно, или же, в более веселые моменты, «дорогой завод». Он привез с собой помощника, чтобы распаковывать тару, и этот человек был слишком занят, чтобы заниматься чем-нибудь еще. («Хагевиш просит передать его жене, что у него все в порядке и он ждет от нее новостей. У него сейчас нет времени писать письма».) Без пиджака, весь в поту, он сам лихорадочно осматривал стенды и изучал более тонкие образцы. («Брейл отдал в заклад свою голову за фирму с блестящими слитками. Теперь его голова – моя».) Ожидая поднятия занавеса, он занимался деталями. 13 апреля он напомнил заводу: «Когда я вернусь, надо сделать колесо». Это первое упоминание о крупповском стальном бесшовном железнодорожном колесе, а в холле «Кристал-палас» он встретил некоего господина Томаса Проссера, американца, который потом начнет распространять колеса по всему континенту. (Их последующий контракт, датированный 16 августа 1851 года, до сих пор хранится среди деловых бумаг правнука Проссера. Семейство Проссера представляло Круппа в Соединенных Штатах до Первой мировой войны. После 1918 года две фирмы достигли нового

соглашения. Со времен Второй мировой войны никаких связей не было. – Письмо Роджера Д. Проссера автору, 23 сентября 1961 года.)

Главной заботой конечно же было чудовище. Неизбежно возникли драматические преграды. Без них это бы не было шоу Круппа. Ожидая прибытия своего чуда, он бахвалился: «Мы заставим англичан открыть глаза!» Он предупредил своего помощника, чтобы тот держал язык за зубами, но забыл о собственном языке: «Английская газета сообщает, что Тэртон из Шеффилда пришлет на выставку слиток тигельной стали весом в 27 английских центнеров. (На самом деле он весил только 24 английских центнера – 2400 фунтов.) Вероятно, именно из-за меня он делает большой слиток, потому что я об этом говорил...» Ко всем подкрадываясь, он разыскивал соперников. Один из крупповских мифов – о том, как он выхватил карманный нож, сделанный из своей стали, соскоблил кусок с английского слитка и фыркнул: «Да, он большой, но никакого толку». Он был определенно высокомерен. Домой он презрительно писал:

«У англичан здесь лежит кусок литья весом в 2400 фунтов с надписью «чудовищное литье» и пространным описанием его замечательных качеств и трудностей производства. Ковки нет, и пока ничто не доказывает, что это не чугун. Я говорил, что мы каждый день делаем подобные небольшие куски».

Да. Но шеффилдский слиток был уже там, а крупповский не прибыл. Никто не мог обратить своего взора на то, чего там не было, и Альфред, заполняя свой стенд мелких изобретений, собрал для выставки все, что у него было: прокатные станы для чеканки монет, пружины для экипажей и амортизаторов, оси колес для железнодорожных вагонов. Не теряя надежды, он вписал в каталог выставки: «Кованая литая сталь, содержащая малое количество углерода; представлена как образец чистоты и прочности». На выставочный комитет это не произвело впечатления. В каталоге он числился под номером 649 и характеризовался как «промышленник и отчасти изобретатель из Эссена, рядом с Дюссельдорфом» – самого Эссена не было на английских картах. В бешенстве расхаживая по «Кристал-палас», он отправил телеграмму SOS джентльменам из коллегии: «Присылайте все, что только может быть готово». Это был один из исторических моментов типа того, когда Ньютон увидел упавшее яблоко. Запоздалым мыслям Круппа предстояло стать сенсацией Лондона. Поспешно внесенные в конец номера 649 после и так далее, они гласили: «орудия и лафеты, нагрудные панцири из литой стали».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.